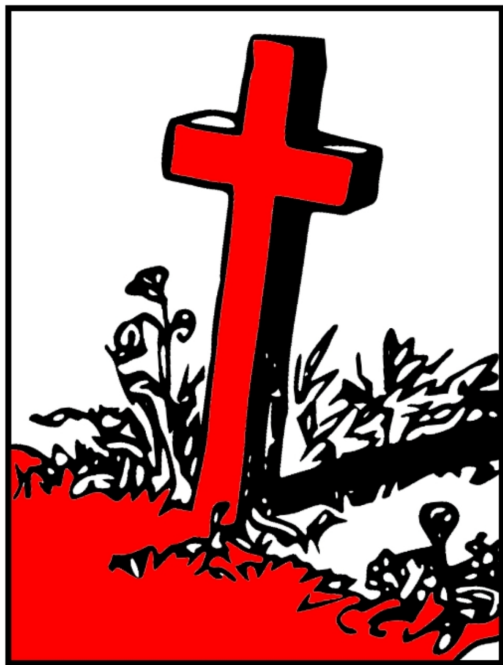

ПОРОЖАЁННЫЙ

И ЕГО ОАЕРЖИМОСТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Иван Громов

18+

Иван Громов

Порождённый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63577882

SelfPub; 2020

Аннотация

Сборник ранних рассказов начинающего беллетриста Ивана Шишлянникова (Громова). В 2020 году он был номинирован на премию "Писатель года 2020" в разделе "Дебют". Рассказы сборника представляют собой тропу, что вела автора сквозь ранние годы жизни. Ужасы, страхи, невыносимость бытия – вот что объединяет красной нитью все рассказанные истории. Каждый отзыв читателей поспособствует развитию творческого пути начинающего автора. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Зырим в предисловие	5
Ныряем в первичный бульон	10
Струны мерзкой жизни	13
Фуга	14
Лестница Якова	17
Ножное сало	23
АРЕВ	29
Иов-1	33
ИнтерЛюдка	37
Любовные грани тухлятины	41
Танцуйте!	41
Сказ о Свете	46
Столбнячный жир	51
Числовой Демиург	57
«Не ходи за гаражи»	62
Рандеву с психичкой	70
Пальчики Божьи	70
Две тысячи лет до отчего дома	74
Загадочная икона	80
Сверхтяжесть	85
Прекурсор Божий	92
Детство Единственного	98
Отрочество Единственного	102

Зрелость Единственного	106
Психоанализ гражданина с ОКР	110
Комплекс Электры	115
«Старый друг»	119
Послесловие	126

Иван Громов

Порождённый

Зырим в предисловие

Вы знакомитесь с художественным произведением, а потому относитесь к нему так, словно это набор разрозненных историй, которые пытаются обрести себя и своё место в этом большом мире. Произведение не пытается задеть чувства думающих или оклеветать определённые группы людей.

– «На наших глазах ежеминутно происходит масса событий. Прислушайтесь к миру вокруг вас. Каждая пылинка, каждый кустик, каждый камушек рассказывают свою историю. Все они удивительные рассказчики» – скажу я вам.

Правда так вышло, что с реальности приходится периодически срезать нарост ложного понимания. В наше время мир стал казаться людям многоэтажным панельным домом, каждый этаж которого источает лишь серость и бледность. Постепенно его обитателям начинает мерещиться странная идея: идея того, что многогранный мир способен уместиться в кучке серого вещества, которая зовётся мозгом.

Никто не будет с вами спорить, если вы захотите узко мыслить. Решение повесить на реальность занавес и отдалиться от истины – ваше решение, так что у каждого из вас развя-

заны руки. Это ваша жизнь и ваше право.

Однако, не стоит натужно пытаться дистиллировать узкое мировоззрение; не нужно кристаллизовывать свои субъективные представления о мире, чтобы потом создать на их основе вакцину от влияния невидимых вибраций струн, музыка которых способна рождать целые вселенные.

Вселенные, что существуют вокруг нас и внутри нас. Расствориться в обыденности узколобого взгляда на мир – это одно из самых страшных преступлений, если брать для вердикта эстетический, а не этический закон.

Мир вокруг сложен, несмотря на все попытки рационализировать или теологизировать его; есть сотня разных измов (теизм, атеизм, пантеизм), но от существования всей этой мишуры реальность не стала менее загадочной.

Иммануил Кант зрел в самый корень – он видел, что все наши мысли субъективны.

Такова реальность: человечеству многое не дано познать, но научная элита, что просиживает свою жизнь в кабинете, априорно считает мир ясным и понятным явлением.

Они никогда не видели реальную жизнь, но посчитали, что видеть уже особо нечего.

Все они хрупки, и именно поэтому что-то новое порождают деятельные практики, которые хотят всё дальше и дальше шагать за горизонт.

Не стоит думать о том, что мы пытаемся поставить под сомнение научные выкладки. Мы лишь хотим, чтобы вы слу-

шали не только истории учёных.

Вокруг есть масса объектов и явлений, с которыми стоит познакомиться для расширения своего кругозора. Например, давайте попросим микроба рассказать свою историю, пусть и он поделится своим мнением обо всей этой ситуации.

Микроб аккуратно начинает свою речь – «благодарю, что дали мне слово. Что же, должен сказать, что феномен жизни удивляет меня и по сей день. Когда-то мои предки формировались в грязевых источниках, и жизнь в этих неприметных местах была ключом. Она и сейчас кипит повсюду, даже в вашем желудке, просто вы не хотите этого замечать.

Вам многое не дано видеть, что уж и говорить про сам процесс понимания. Хотя вы усиленно отрицаете факт того, что ваши интеллектуальные способности переоценены.

Старайтесь всегда помнить о том, что ваше место в мире имеет свои ограничения и особенности. Эволюция ещё идёт, и скорее всего вы являетесь очередной переходной формой. Может быть вселенная стоит на пороге появления нового человека. Спасибо за ваше внимание».

Удивительно, как же так вышло, что простой микроб знает больше нас с вами? Порой мне кажется, что люди не способны смотреть вглубь вещей. В детстве мы так глубоко погружаемся в реальность, что она пестрит множеством существ и событий. Вот бы сохранить эту привычку и во взрослом возрасте.

Хватить ходить вокруг да около, многие люди не видят

дальше своего носа. «Доктор Фрейд, я не знаю кто я, помогите же найти своё место в мире» – думается, что большинство использует психологов именно для этого.

Они не способны самостоятельно пройти то, что Юнг прозвал «индивидуализацией», а это, между прочим, один из важных этапов формирования обособленной личности.

Выходит, что безликая толпа заполнила собой жизненное пространство и теперь пытается навязать нам своё мнение?

Они понимают довольно малое количество вещей в этой жизни, а потому им приходится использовать сотни ярлыков для разнообразных проявлений реальности.

Про таких людей можно сказать, что они хрупкие, ригидные, пустые. Наша же задача – стать антихрупкими, научиться осознавать всю непонятность мира и использовать умеренный стресс окружающего мира для своего развития.

К нам приближается какой-то человек, прошу прощения. «Добрый день, Людвиг. Что это у вас в руках? Вы хотите наградить нас метафизической лупой? Благодарим вас, она нам ещё понадобится!».

Если вы ещё не поняли, то это был сам Витгенштейн, видимо идёт на встречу с мистером Бертраном Расселом.

Итак, теперь у нас есть специфичный инструмент. Но как же им пользоваться? Очень просто – стараться рассматривать объекты во всей их сложности, и помнить про то, что у них есть как минимум $12+n$ измерений.

Простой практический пример – лист. Давайте узнаем то,

что он может нам рассказать. Лист с учёным видом пытается нам напомнить простую истину: «фотосинтез имеет огромное значение для экосистем, поскольку от него зависит баланс кислорода и углекислого газа».

Мы, конечно, это знали когда-то. Выучили на уроке биологии и забыли. Удивительная вещь, мы так сильно зависим от кислорода, но даже этого не хотим замечать. Не хотим замечать глубокой детерминации окружающего мира, что в итоге приводит к тому, что мы ничем не отличаемся от животных.

Нет-нет, у нас отсутствует цель оскорбить их. Мы лишь хотим донести до вас простую истину – найдите в себе силы и мужество рассказать себе и окружающим свою историю, какой бы она не была. Так поступила героиня этой книги – Болезнь. Она решила рассказать нам свою историю: тяжёлую, непонятную, но крайне занимательную.

Ныряем в первичный бульон

В первичном бульоне происходило какое-то движение. Безумные творцы разукрашивали мир своей кровью и слюной. Все самые низменные поры тела – это основа той жизни, которую текущее общество узаконило. Но жизнь страдала от нимфомании, однажды мы совокуплялись с ней в грязном переулке.

Я одним движением усадил её на мусорное ведро и содрал её бельё. Мы начали биться в судорогах сексуальных девиаций, её менструальная кровь смешивалась с моим потом.

Отмирающая яйцеклетка поглотила волну сперматозоидов и кометой направилась к земле. Гравитация жёстко прижала её к асфальту и раздавила все её внутренности. Биологические жидкости стали тем раствором, что я заливал в свои глаза.

С меня стекало семя и слёзы счастья, выходило, что я стал прообразом первой молекулы РНК, которая затем продалась каждой встречной бактерии.

Проблему я любил и тоже был одержим ей отчасти. Порой невозможно было определить размытые границы моих чувств и чувств порождённого. Если попытаться ответить на вопрос – кто он такой? То ответа, конечно, не последует.

В отличие от обывателей, мои чувства не претендуют на полную объективность. Тоталитаризм по сей день имеет

большинство человеческих жуков на этой планете, что совершенно меня не радует.

В моей голове находится мозг, весом в полтора килограмма. Но его форма, цвет, возраст никак не влияют на мои сексуальные отношения с истиной. Большинству людей кажется, что она обычная давалка, которую каждый имеет по своему усмотрению или желанию. Я же скажу лишь о том, что практически ничего не знаю. Только бубонная чума способна дать ответы на мои вопросы.

Бубоны земли нагнаивались и лопались, что играло мне на руку.

Я постоянно копошился в этой грязи и пытался попробовать истинную суть жизни на вкус. Она горчила. Однажды порождённый сказал, что жизнь подобна рабиесу, т. е. вирусу бешенства.

Он смотрел на людей вокруг, а они пускали пену изо рта и кусали друг друга.

В судорогах они умирали и глотали несъедобные предметы: желчь и флегму. Прав был только ипохондрик, что постоянно резал свои руки и искал там некоего Деуса.

– «Док, слышишь? Мы с тобой обязательно умрём и разложимся.

После смерти наши молекулы встретятся и станут основой для вируса бешенства.

Наша с тобой любовь будет пеной и слюнями распространяться по мозгам других существ».

Сука и проблема – это суть одно. Нам вечно приходилось за ней гнаться, ведь без неё мы не могли начать свой копрофильский поход против смысла и одержимости. Все вокруг и так копошились в нечистотах, делая вид, что они лучше навозных мух. Нам такое было не очень-то интересно, так что мы изначально лезли в самую глубокую отхожую яму.

В порыве романтических сношений с музой, мне думалось о моей любви к живому и мёртвому. Больные лёгкие порождали только одно изречение, которое и по сей час крутится в моём желудке:

«Я хотел бы выжигать твои глаза паяльником;

В экстатической спайке с тобой облизывать мёртвую плоть;

Я хотел бы быть тем светом, что кластерной болью ведёт к твоему суициду;

В экзотическом танце зачать от твоей яйцеклетки аморфное нечто;

Жизнь – это тварь, сука, шалава, бл*дь, давалка, шлюха, ничто.

И за это я твоё постепенно мертвеющее тело люблю».

Струны мерзкой жизни

Тут мочатся на жизнь, а потом умываются грязью. Если тянет слюнуть, то только в свои же ладони.

Фуга

«Затрахал ты уже. Достал всех. Из-за тебя у нас нет никакой жизни. Ты лишь пыль на ботинке Деуса.

Плод изнасилования, который никто не чаял в этом мире. Сотни таких были оставлены в абортарии, но ты, сука, родился».

Одной рукой я отогнал эти мысли от себя, ведь помощи от них ждать не приходилось. Я шёл, нет, бежал на кладбище. Мне было нужно попасть туда и как можно скорее. Казалось, что весь угол обзора был направлен только в одну точку, в то место, где сбывались мечты.

Перед собой я видел улицу, которая стрелой неслась навстречу славе. Она была готова уничтожить любого на своём пути. Ей хотелось прославиться, она была готова давить тараканов, тараканов, тараканов.

«Тварь, мразь, падаль. Сука». Они гнались за мной, как же я хочу от них убежать. Мне хочется быть свободным. Фуга, помоги мне!

Кладбищенские ворота манили меня, их стройное сложение взывало к моим чреслам. Вот бы обхватить их своими руками, потрогать эту нежную кожу, провести шершавым языком по ланитам. От возбуждения забор оцетинился острыми колышками, сверху кто-то сбросил на них собаку.

Она упала с большой высоты и брюхом напоролась на

острую ограду. Визг перетёк в хрипы смерти. Смерть любила сношаться со своими жертвами, именно от неё ведут свое летоисчисление некрофилы. Я не один из них, но мне так хочется оказаться среди этих камней, быть замурованным в них, смотреть на разложение сотен тысяч людей.

Фууугааа – кричу я в приступе оргазма. Как же мне хорошо, как же хорошо миру вокруг. Я вижу, как синтетический белый ретровирус начинает всасываться в вены.

Стремительным потоком его РНК несётся напрямик в мозг. Ещё чуть-чуть и крышу готического собора скинет на толпу язычников, которые празднуют очередную смерть девственницы.

Фуга, фуга, фуга, фуга, фуга, фуга, фуга, фуга – меня трясёт в припадке, так сильно я хочу стать её частью. «Ты чего там жрёшь? Да у тебя же глаза горят от экстаза! Какая ты су-чья гниль, ни с кем не делишься огрызками детской плоти». Память отдай мне моё, я хочу снова сидеть на стуле в морге и смотреть на мёртвые тела.

Вот и вскрывают упавшую собаку, раскрывают её грудную клетку и пускают туда меня. Я нахожусь внутри живого существа, сердце в учащённом ритме отсчитывает дни моей жизни. Она убегает, как и Фуга.

Начинаю жадно кусать желудок, душу себя всеми мотками кишок. Да вырвусь же я наконец из плена тревожных мыслей. Дайте мне лопату, и я изменю мир! Копаю могилу мёртвой пироманки, она облилась бензином и сожгла свою плоть,

но я могу восстановить её.

Чёрное тело стало пристанищем для белых наростов и жирных аскарид. Они мирно общались о будущем человеческой нации, а я заглатывал их по частям. Вместе с Фугой я должен был слой за слоем съесть огрубевшую кожу. Проглотить весь гнойный смрад и обмазаться выделениями из пустых глазниц.

Если долго копать в её дерме и кишках, то можно найти душу. От чесотки начинаю плевать клещами, которые растекаются по её скелету. Фуга жрёт мои ноги, душит меня целлофановым пакетом. «Затрахал ты уже. Достал всех. Из-за тебя у нас нет никакой жизни. Ты лишь пыль на ботинке Дедуса. Плод изнасилования, который никто не чаял в этом мире. Сотни таких были оставлены в абортарии, но ты, сука, родился».

Постой, не надо, я лишь хочу убежать!

Я знаю, что этот мир прекрасен, незащищённый секс приматов с ДЦП породил глаз Земли, я видел этого Творца в синей олимпийке. Ты многое теряешь, потому что без меня не начнутся значимые перемены.

Дай мне ещё немного времени, я вдоволь наемся перегноя, смерти, червей, а потом убью твою мать. Фуга, я так хочу убежать...

Лестница Якова

Давайте мило возьмёмся за руки и спустимся. Мы спустимся на...

Минус десятый заусенец.

В этом месте необходимо прислушаться с угасающему стуку сердца. Умирает очередная жизнь, в грязи из сожалений, с лицом, забрызганным белыми каплями смысла. Уже известно, что пограничные состояния сознания привлекают разных извращенцев, пользующихся конвульсиями для получения удовольствия.

Здесь темно и еле-еле горит лампочка, которую уже давно вставила позабытая пенсионерка. У неё был выбор: купить лампочку и осветить свой путь или же что-то поесть. Путь она себе осветила – факт. Возможно, что дикие крики шли из её квартиры. Не смогла она долго терпеть выходки своего отравленного внука. Дело дошло до того, что он прикуривал от пуговицы. Она же замахнулась своей дряблой рукой и топором для мяса пробила его череп. Хорошие получились пирожки, окружающие беспризорники ели их с большим удовольствием.

Иногда хочется спускаться по ступенькам навстречу вечной тьме. Мне кажется, что она ждёт всех нас, хотя приходится усиленно прятать страх под одеялом и бить сверху кулаками. Бить его до тех пор, пока не образуется травма в черепе. На

этом этаже однажды застрелился пьяница. Кто его убил: де-лирий или дробь?

Мозги расплозились по углу и смешались с мочой, копившейся здесь уже давно. Приятно смотреть, как бездомная со-бака аккуратно слизывает всё это. Ей так мало достаётся в этой жизни. А лестница всё так и тянет меня вниз...

Приятно слышать звуки тяжёлой ссоры за окном, это так здорово понимать, что разрушается ещё одна пара ленточ-ных червей. Он приходит домой под солями и лезет ей под юбку, а она не хочет пускать его разлагающийся плод похоти в себя.

В её животе уже давно живёт что-то и злость одним уда-ром в живот заставляет срыгнуть это. Прямо ему в лицо.

Как хорошо смотреть на процесс убийства очередного жу-ка, которого я с радостью давлю своим большим пальцем. Вот бы иметь возможность раздавить так и остальных. Мо-жет ты откроешь мне, девочка? Пустишь в свой изумрудный город. Хотел бы знать, что конец уже рядом. В том мире, где живу я, только готовность к концу и радует мою худую и бледную плоть.

Очередной выблядок устроил пожар на этом этаже, скоро огонь накроет своим одеялом всех замерзающих. Девочка, ты теперь будешь гореть, а в таком случае и я оттаю.

Восьмой этаж.

Она в очередной раз снимается в ролике с животными. Ей так хочется помогать больным детям, что она продаёт

своё тело на потеху публике. Деньги идут на еду и игрушки для детского дома. Мне хорошо здесь. Радостно знать, что в квартире с горами мусора умерла старушка. У неё не было семьи или близких, так что её тело будет разлагаться вместе с тем барахлом, что она сюда натащила. Плоть почернеет и покроется струпьями, лицо прогниёт до самой улыбки смерти, а оттуда неуклюже побегут тараканы. Иногда я ел тараканов и слушал их хруст у себя в ушах.

В одной из квартир подросток потихоньку травит свою мать крысиным ядом.

Она парализована и не может сама встать, а он небольшими порциями сыпет в её еду отраву. У неё уже начал покрываться язвами желудок, гнилостный запах доходит и до лестничной клетки. Это вызывает у меня бурный прилив сил. Я здесь чувствую себя как дома. Многодетная семья восклицает диким визгом. Братья в очередной раз издеваются над своей сестрой. Они связали её и теперь льют на лицо бедняжки воск. С каждым куском воска отходит и часть её самости.

Здоровье проходит сквозь мясорубку и сыпется ядерными изотопами с неба. Эта стадия доведёт её до состояния ходячего трупа. Будет казаться, что она ещё жива.

Но со смертью мозга всем нам придётся покинуть насиженные места и отправиться покорять новые рубежи. Возможно, что мы будем погружаться все глубже. Видеть, как кто-то согревается сжиганием братьев своих меньших. Они

корчатся и бегают по кругу от боли. Кому-то от всего этого становится смешно.

На моих глазах человек обливается бензином из советского тазика. Холодно настолько, что сепсис жрёт тело в приступе очередной булимии. А потом все клетки будут мыльным пузырями лопаться и оседать на стенах. Вот бы эту кровь вобрал в себя клещ и передал её мне. Танец с энцефалитом воспалил бы связки моего мозга и мне пришлось бы танцевать до самого заката человечества.

Шаг первый.

Вместе с горящим человеком спускаемся в самый низ и видим лучшие проявления души человека. Шизуха молниеносно сожрала одного из жильцов этого дома и позволила ему разделаться со своей семьей. Так было отрадно, так легко, что голова сама отделилась от тела и вызвала рефлекторный крик у паука с человеческой головой.

Он полз по перилам и вибрировал в такт с умирающей рысью, которая проиграла свой очередной бой гремучей змее. Нет девиации в том, что на этом этаже царит разврат и содомия.

Кто-то делает дырки в глазах и вставляет туда половой член, а некоторые умудряются поместить венчик от блендера во влагалище. Им ведь уже некуда девать трупы и поэтому они копятя здесь. Постепенно всё начинает заполняться водой и люди в водолазных костюмах активно светят своими большими глазами в потухшие источники света.

На этой глубине идёт аморфный дознавательный процесс. Они пытаются поместить всё знание в границы одного шаблона: «в ушах вой тупой бляди. Что? Глазам не верю, но её гангрена стала явной. Шавка ты подзаборная, ну чего ты носишь? 1:0 же. Он бьёт тебя и бросит после этого. Это же любовь, нет? Молчи, паскуда ёбаная. Жри таблетки, блядь. Пихай в себя до тех пор, пока не будешь плевать кровью.

Руки-то трясутся у тебя, шлюха. А как же идея счастья? Сколько счастья в мире, хуйло? Это знать надо, шваль! Скули, как сбитая проשמандовка».

У лестницы.

С каждой ступенькой становилось всё тяжелее расставаться. Видел тут и избиение стариков, и разбитые судьбы, и убийства собственных детей. Почему никто не хочет следить за собой и за своей жизнью? На моих глазах из одной квартиры выскочила газель и переехала маленькую девочку. Она отскочила в сторону, а газель прошлась по её ногам. Мужчина в жёлтой шляпе уверенно запрыгал от радости. Это не делало мне чести, ведь братская любовь – миф. Как и избиение педофила прутом.

Он из-за лестничных перил мастурбировал на двух девочек с котятами, а мужики скрутили ему руки и начали больно хлестать по ягодицам.

Созрел один совет – не употребляйте метадон, он вредит вашему здоровью и вашей смертной душе. Вот и сейчас очередной обрыган находится уже на грязном пороге смерти и

слизывает серый иней с её сапог. А она давит белки его вытекающих глаз.

Бейте его, да посильнее. Они настолько невзлюбили нового жильца, что ударили его заточкой в живот и скатили тело по лестнице. Брезгливо пришлось отойти в сторону. Так мы и пятимся по этой бесконечной лестнице Якова, создателя её.

Сами мы тут ничего не делали, но так хочется прижаться к этим ступеням и почувствовать в них родное дыхание. Мне так хочется плыть на этой улыбке дальше и воспевать её:

– «Ты нечто чудесное в моей жизни;

Я хотел бы прижаться к твоим тёмным сторонам;

Ты вирус, что вызывает в моих клетках цитокиновый шторм;

Я хотел бы пустить твою плазму по своим венам;

Ты мутная капля света, что упала со лба агонизирующего тела;

И я люблю тебя, ибо ты – жизнь».

Ножное сало

Грязный дождь и великая река скорби. Тут растёт изморось, которую приходится поливать антифризом.

На деле всё это лишь отголоски сбитого существа, чья голова лопнула хохотом от столкновения с фурой. Эти осколки дерева отсылали к чему-то порочному, каждый из них пробил насквозь тело и рентгеном показывал улыбки костей. Их очень легко раздробить, если знать верные указатели. Не каждому слову можно верить, ведь у слов нет отражений, как и у некоторых людей.

Холодный туман скалится и кричит что-то о ксенофобии, ему ненавистно, что его дары потребляют все. Он бы хотел, чтобы люди питались лишь нефтью, ибо она уже льётся и из мертвецов, которые тащат свои могилы на чужом горбу.

Попрыгай на мне ещё немного, и мы сможем упорядочить хаос, пока я просыпаюсь после приёма бензодиазепинов. Время вымерло и метаболизм остановил холод.

Цветки мака живут со мной поблизости. Расскажешь что-то? Хотелось бы услышать про жризм, про педофилию, про секс с животными. Есть нечто про восставших трупов, с которыми тебе пришлось сношаться? Вот бы послушать про то, как ты влезал в шкуру ленточного червя и поджидал жертву у камина. На рогах лосьей головы ты жарил человеческую плоть, а потом ещё и варил её. Быть может, что так будет

вкуснее. Жаль, что рёбра были сломаны и сверху на бездыханном теле инвалида всё прыгал и прыгал какой-то социальный работник. Что?

Она мне язык откусила. Да нет же. Всё состоит из языка, а по нему ползёт гремучая трахея. Этот слайс только и плодит слова, а смысла нет и следа времени не отыскать. В нервных окончаниях попытался пошариться и найти остатки вербального уровня. Эмоциональный интеллект в ротовой полости не срабатывал, хотя плоскогубцами я дёргал самые старые зубы.

Они вырывались гейзерами крови и орошали лица мои племянников зелёной кровью. Кислотная среда всё равно разрушала эмаль.

Прижёт себе язык и начал пережёвывать его. У меня в комнате лежит нога, покрытая опарышами. Называю этот прожект – ножное сало. Каждый раз хочу есть и жадно глотаю кипу опарышей. Они не хрустят, а извиваются у меня во рту. Мёртвая кожа смешивается со слюной, и они попрыгунчиком скачут по стенкам. Каждый укус языка – новый шмат кровавых ошмётков. Жуёшь и белые комки стекают по носу, а из ушей льётся вода из старого трупа. Казалось, что там отравлено и токсично. Вздутые труп плывёт на поверхности и звонко пахнет.

Иногда голодаю, так как становится тяжелее сохранять гомеостаз. Такая история интересная. Забрался в гроб какой-то молодухи, что умерла от ОРВИ и укрылся её трупом.

ком. Тёрся об неё и рождал искры самой крепкой любви, она же не рассыпется, правда?

Если бы она села мне на лицо своей гнилой рукой, то все миазмы пошли бы прямо в мой мозг рептилии. Бей или беги, откуси её средний палец, ибо она не смеет так поступать с тобой. Струя крови ракетой устремляется в небо и красит небо в цвета застывшей крови. У солнца сдают нервы, и ядерным взрывом он плавит лица улыбающихся людей.

Улыбки становятся жидкими и отслаиваются, как и слои трупной кожи и сепсиса, гнилая нога же сыпется. Этот слой из падали и опарышей мажу на хлеб и стараюсь элегантно есть.

Мне так жалко холода, они каждый раз видят какое-то безумие в нашем мире. Чокнутый дед греется у картины с костром. Хорошо, что костёр греет слабо и он постепенно коченеет. Дети не могли сделать снеговика, ибо снег был жёлтый. Ударом биты они разбили деда, и его осколки начали ярко светить с неба.

Свет отражался от беззубых бомжей и устремлялся яркой кометой в сердца препаратных борцов за равенство. Они считали, что нет плохого клея, есть лишь хорошая интоксикация этого организма.

Известно, что смерть мозга разбивает ваши планы по походу в магазин и вы очень долго смотрите яркие мультики.

Там кружится туман, и танцует кровь. Мужчина стоит в проёме заброшенного дома и долго смотрит. А женщина

яростно кричит, что убили её сына. Могильщики не стали долго копать могилу и грязными руками кинули туда труп уважаемого человека. Он получил восемь уважаемых фотонов себе в живот. Мы преисполняемся света и пытаемся научить других неугасимому огню, который суть почечный со-сальщик и он тошнит на землю нашими останками. С этой башни я спрыгну, если ножного сала больше не будет.

Мне ведь так не хочется потерять сквозь грязное стекло лабиринта и смотреть на похищение своих органов. Они не дают жизнь, а приносят смерть, ведь в каждом из них патология. Постарайся родить нечто в воде и пусть она станет красной. Видел, как вы сосались до самой его смерти. Даже во время глубокого приступа он показывал тебе свой язык. А ты пыталась помочь старому человеку, у которого и были забраны ноги.

Иногда кажется, что я могу перемещаться по телам и реальности, но ошибки людей уничтожают целые вселенные. Становится невозможно видеть чёрные дыры у себя в голове, лишь белые карлики вечно воруют у людей детей и отдают им свою девственность. Вот бы свети твою старую татуировку, но дедовскими методами. Если у тебя отойдёт кожа, то я смог её прожить и съесть.

Даже не подавиться, хотя света всегда бывает мало, и старая игла можно совокупить ВИЧ с семенной жидкостью. В каждый из стульев нервной системы был забит ржавый гвоздь. Так хотели призвать на пир столбняк, но призвали

какого-то моралиста.

Да, тебя родили. Никто тебя не любил, а ты делал это в ответ. Хули нет? Так всегда было честно. Паразитом забирался в её складки и насиживал там белые яйца.

Они вылупятся и будут есть её опрелости, а потом они парализуются и станет красивой подводной осой. В том месте, где бродит мой утонувший предок. Дела принимают интересный оборот. Если жертвуете собой, то помните, что в ваш гроб будут смачно плевать и харкать. Постараются откашлять вопрос и поскорее вас забыть. Она так и стоит там, в комнате уже живёт вместе с ней страшная вонь и большой таракан.

У них нет свет и кишечная палочка спичкой падает на кровь бензина, чтобы разжечь мизерный свет большого пальца и утолить голод Порождённого.

Он часто вопит от сотен иголок спидозного смысла. Все носком тыкаются в хорошие стороны мира и думают, что они их не выдумали. Глаза закрываются, и истинная картина сотнями ворон превращает их чучело в набор грязных тряпок, который будет сдан на благотворительность. Ключами тряску перед лицом и съедаю бумаги, которые могут вызывать одержимость.

Большое количество таблеток может убить и людей, поэтому специальные крысоловы загоняют людей в ловушку одного общежития и сжигают их там своим напалмом. Мир горит, но я не хочу это видеть. Надо продолжать есть гниль

и фурункулом катится по лестнице преисподнего заката. Когда сотня графитовых лучей оставит ожоги на теле бледного дня. Оставить след в этом мире и хорошенько потошнить, потому что часть энергии всё равно останется во мне.

Всё ещё жду взрыва новой ядерной бомбы, она буквально разорвёт тело изнутри и отключит разом живность, у которой большой коэффициент Фи. Давайте высчитывать смысл в числе Пи, ведь вы так готовы удавиться за десять рублей, что катятся смертным колесом по вагону уходящей жизни.

Вы ели с ней гнилое мясо, а закольцованная дорога никогда и никуда не приведёт.

Так и приходится колоть себя старой розой, оставлять клещей в ранах и ждать момента, когда мухи отложат личинки.

Целая волна опарышей накроет тело и будет резво кататься по каждому хрящу, а потом сухожилия взорвутся от возмущения и больше вас не увижу. Вы пришли не в то место, вы иуды и поэтому вас тянет блевать я девятого этажа, рождая рой грязных носков, удушающих саму жизнь. Ножницами они слилась и венами и перекусила забор, за которым возвещалась гигантская гора невымытых трупов. Восстанут ли они? Решаем за себя.

Очередной укус бутерброда с ножным салом сладко отзывался струёй рвоты у пожарника, что топором душил сироту. Из его тела получится хороший опарыш, который со временем будет жить у вас дома. Я всё сказал.

АРЕВ

Именем Порождённого клясться не буду, ибо нет мне уже радости прижигать свои раны горячим воском чужих ударений. Хотелось бы пообщаться, рассыпать земляную соль по вашим рукам и смотреть на процесс её всасывания в организм. Тут нельзя быть в чём-то уверенным. Вера обещала быть со мной до конца, но сдохла раньше положенного срока. На её похоронах (а её просто сбросили с моста в воду) много мыслей стояло и смотрело вслед течению. Жаль, что она попалась на крючок вины и была съедена домашними кошками.

И свет не светит. И не существует. Всё то, что воспринимается как свет – иллюзия ваших отсталых зрачков. Движения тьмы быстрые и резкие, скоростным болидом они разрывают ваши лёгкие и вы сплёвываєте стружку, оставшуюся после крушения вашей железной надежды. Есть только капающая тьма, сползающая с перил и падающая вниз внебрачной ракетой земля-воздух. Её мурашки разбегаются по вашему телу и затрагивают даже те органы, что раньше не умели вставать.

Внимательно всмотритесь в каждый глоток света. Всего лишь спазм сосудов, которые вы боитесь увидеть.

Когда разъедающая кислота заставляет кричать вас от мук совести, проявляется картина полного отупления происхо-

дяде. В спайке отсутствующего света и тьмы рождается атомарная лампочка Ильича, которая и освещала всю жизнь ваш путь. Если бы вы изначально видели её устройство, то никогда бы не позволили хоронить себя в разноцветных гробах, которые конфетками высыпаются из карманов химически кастрированных педофилов. Им больше нет применения и все ваши мучные изделия из добра становятся разом никому не нужными, их остаётся только вертушкой запускать с балкона и смотреть как летающие собаки жрут их огрубевшую плоть.

Салициловой кислотой стираю с себя пучки света и рассеиваю безбрежное море недоверия струёй тёмного горного солнца. Оно чёрного цвета, так как ему ни до кого нет дела. Паразитический смысл каждого индивида эхом скачет по пещере Платона и показывает ваш истинный дальтонизм, врывающийся в серый цвет. Казнь серым градиентом должна сильным ветром сдуть вашу спесь и заставить поверить в тотальную перегойку жизни, которая кусает и мелет вас, ведь вы никогда не были ей нужны. Случайный выигрыш в карты призвал вас к жизни, а очередная ставка вырвет ржавым шурупом и отправит на пахнущую помойку.

Так во что же и во что же смыслится и верится. Если всё закручивается в ураган бессмыслицы, то что должно поддерживать плечи ваши от неминуемого сгорания в лоне сверхновой? Пустота, что смотрит синими глазами прямо в ваше сердце и разбивает каждый орган на тысячи фрагментов.

Осознание того, что вы и есть груз-200, отправленный в этот мир подышать ещё раз. Вас кусают и жгут, мучают и хохочут, а вы плачете и радостно кряхтите. Это так забавно, так весело, когда сотни гнилостных личинок плодят себе равных и никогда не обращаются к главному звену коллективного разума.

Мозг умирает уже при рождении и комья жира не позволяют заметить столь явную снежинку тьмы во всём многообразии смертей и праздников. Все плодят фракталы и разбивают пазл реальности на тысячи юзеров, что практикуют небезопасный секс. Весь мир заливается слезью и огромный язык метлой идёт по ней. А вы целуете рекурсию и просите её уйти, но он не покидает никого.

И с новыми силами выбрасывает вас из кровати и сбрасывает вниз по лестнице Якова. Как же так вышло, что никто ничему не нуждается. Все стараются оставить след в луже и эти грязные испарения молниями освещают их глаза.

Они идут толпой и понимают, что им уже не выжить. Им никогда не возрадоваться орошению или жатве. Они животные и всегда ими будут. Только электричество обладает разумом и живёт, а все ведутся на гормоны и пакетную пачку химии, которая так и так будет колоть их в рёбра и сцеживать их кровь. Потом же патанатом просто вынет их органы и выбросит из окна, где коршун Прометея сожрёт их. Это значит только одно – ебу нигилистическую давалку. И салютным взрывом праздную очередной начало конца. Да будет

так всегда, гори информация и пеплом сыпья в отравленную кашу. Там и встретимся.

Иов-1

Иов-1 был послан в мир, который строился на костях чернорабочих, умирающих от деменции, что сжимала их прошлое. Из их глаз уже не текли слёзы, соединяющие их с миром разрушенной нервной системы.

Она бала похожа на недостроенное здание времён Сталина, на костях отбросов танцевала смерть и выкуривала чью-то легочную ткань. Ткань пространства белая и мягкая, птицы выкладывали органы погибающих человекoв. Зачем ты приобретаешь так много, всё будет потеряно.

Утеряно, разрушено, съедено. Сладкая струя крови стекает по ушам и взывает к мурашкам, которые видели твоё недостойное поведение. Они видели движения твоего языка, смеющегося в секционном зале.

Анатом вскрывал плоть твоих рук и играл на жилах, они пушились и казались очень мягкими. С них же ещё течёт кровь, слижи её, Иов-1.

Посмотри, как они сжирают сами себя, режут куски с твоего лица и давятся хрящами ушей. Тут все и всё теряют, потеряешь и ты.

Даже тот шанс, что ты так тихо спускаешься в гробу на самое дно интернета, будет раздавлен.

Этот гидравлический жизнепресс давил каждого скорпиона, жалящего подобных тебе.

Посмотри на тёмные завихрения и грязные хлопья снега, есть знание того, что сквозь замочную скважину ты зрел совокупление кошки и собаки. Труповозка каталась по району и собирала грязную и облезшую плоть. Почему становится так темно и холодно, Иов-1? Давай проводить лоботомию границам языка. Пытаться вырваться из гниющих уст, кусай сам себя за хвост. Читай последовательно и внятно.

Резак, раз, линия, тождествил. Кровь, верб, на могиле, альный. Мотылёк, уро, смертельный вихрь талантов, вень. Там тебя хоронят.

Ты Иов-1 и дал тебе шанс не жить так, как живут многие. Посмотри на липучку с мухами и погрузи её к себе в рот. С каждым разом всё чище.

Зачем ты отдал это дивное чудо тем выродкам на свалке. Они лишили её невинности, грызли ногти и рвали её волосы. Что в себе кроют ногти и почему они такие длинные?

Они собрали кал с грязного пола кладбищенского туалета. А там нагнаивалась дверь и чихала жёлтыми соплями в упор. Если долго пить чужую урину, то возможно выйти на уровень духа, что живёт внутри твоего тела.

Однажды он вырвется с потоками вони. Она всегда гармонична нашим замыслам, ибо запах смерти и тлена диабетом жжёт твои ноги. На операции по их усечению воняло так, будто там сдох сам нечистотный сведух. И всё вокруг покрывалась чёрной сажей, которую слизывали маленькие существа в светлых одеждах.

В этом мире нет Деуса или грязной патоки, но ищи сладость в грязевых потоках и фонтане сальных частиц, которые сверхновыми вырастают на твоих чирьях. Соси леденце сделанный из плоти тех, кому не нашлось места в общей могиле. Их потом откусывают, и ты Иов-1 был причастен к потере паразитной кисты, которую теперь показывают на потеху людям.

Так вышло, что всё тут теряется. Сигаретный дым заменил воздух, и ты наступил на гвоздь. Он путешествует по твоему телу, по твоим нервным каналам. Потрошит плоть и испарывает разум. Из-за того, что всё грязное и гнилое заменило съестное, кто-то тянется по столбнячной вытяжке. Стойка смиренно заменяет его тело и каждый нерв теперь смотрит вверх.

А ты по этим телам взбираешься на самый верх. Грязная череда трупов и ты душишь его, того, кто назывался Иовом-2. Нельзя потерять то, чего нет. Имя нейтронной массой отягощает твой разум и весь звездопад горит из-за мыслей об исключительности самости, которая тухнет на жарком солнце. Из её песка сыпется рот, а старая бритва рождает новые инфекции.

С неба стекала пена и ты Иов-1 омылся в ней. Ты искала того, кого было нужно задушить и залить глаза кодеином. Как так вышло, что горячие предметы тоже были потеряны тобой.

Кластерные горки трупов гнили и разжижали землю. Ты

только посмотри на спайку мертвечины и паука, что жрёт грязь из-под ногтей.

Огромное что-то-кто-то ползёт по твоей спине вместе с белым холодом. Конечности теряют своё атипичное значение и из-за Кольского спора ты потеряешь даже то, что было лишь у некоторого количества свиней. Омойся в слезах этой бедной надежды, сожми её руки посильнее и оставь там гематомы. Ты ненавистник и бьёшь её сильно, по лицу и по печени, чтобы она больше не страдала. Каждая потеря Иова-1 уменьшает её. Так пусть теряется всё.

ИнтерЛюдка

Проблема представляла собой серую тень, скачущую из угла в угол. Пока доктор изучал ожившие галлюцинации, что представляли собой огромных клещей, порождённый лицом к лицу встретился с чем-то неизвестным. Тьма раскололась на несколько фрагментов, из трещин в структуре коллективного разума начал течь ликвор.

Могло показаться, что где-то рядом случился инсульт, ведь тело пыталось изрыгать из себя останки той плоти, что была дана на завтрак. Люди всегда жрут плоть, но они делают это тайно, им стыдно признаться в таких вещах, как некрофилия и каннибализм. Порождённый не стеснялся этого. Его привлекали все жидкости в этом мире, кроме воды, H₂O была для него чем-то мерзким и атипичным.

Не дано нам видеть всё на свете, ведь ограничены мозги наши. Нервная система суть дешёвая гирлянда, что светит вам разноцветными лампочками и пытается выдавить у вас ещё капельку слюней.

Вот слова порождённого, которые он произнёс после встречи с чем-то отвратительно прекрасным – «У нас была тантрическая борьба с червивым Существом. Было известно, что Он породил саму Смерть. Из своих кишок Он создал человечество. Бритва и потроха высекли искру жизни.

С Его глаз стекал гной, мне пришлось слизать зелёную

плазму с Его пальцев. Пока я содрогался от судорог, Он сказал – Я имел твой смысл в рот. Ты падаль, нечто аморфное, нечто витальное. Ты микроб, хватит искать чудо».

Не всегда говорить порождённому, когда-то должен говорить и его психиатр. Ибо двое станут одной плотью. Я поставил проблему перед собой на колени и усиленно бил её по щекам. Так вышло, что в прошлые дни мне была введена сыворотка эгоизма, которая индуцировала выработку клеточного иммунитета. С обновлёнными клетками я открыл для себя новые возможности. И именно это повлияло на все мои последующие действия.

Резак позволил мне медленно и уверенно перерезать проблеме горло. Одной рукой я держал подбородок, а другой вёл резаком слева направо. Если вы ещё не поняли, то я правша, но это практически не имеет отношения к делу. С проблемой невозможно разобраться так легко и просто. Я вытер резак о кухонное полотенце и начал думать на тем, как быть дальше.

Мне неизвестно то, нормален я или нет. Об этом не знают все люди, хотя некоторые думают, что языковое понятие нормы – это возможность сделать реальность кристаллически ясной. Возможно именно моя ненормальность позволяет мне видеть то, чего не видят другие. Быть может так, что они и не хотят этого видеть. Проще существовать на уровне условных рефлексов, чем постоянно думать над своим поведением.

Я довольно много разглагольствую, но пока этого недоста-

точно. Проблема уже прошла стадию агонии, но всё ещё не хочет умирать, а значит нам всё-таки придётся поговорить об этом брэнном и агонизирующем теле.

Изначально мне казалось, что проблема кроется в перегное. Мне пришлось долго и упорно копать землю на своём заднем дворе. Поиск червей и разных личинок прояснил малое. Однако, черви явно сопряжены с тем, во что я верю.

О феномене веры и придётся поговорить в первую очередь, ибо её вибрации и по сей день раздражают наши уши целой чередой какофонических звуков.

Многие могут подумать, что я имею некие претензии к здравствующим религиям. Скажу честно и откровенно, мне нет до них дела. Но очевиден факт того, что наследие христианства активно внедрилось в мой мозг, ибо окружающее православие почвы и воздуха не могло оставить мой разум в отстранённой чистоте.

Мне нет дела до теистических религий или атеизма, так как они существуют в той системе, где нет меня. Проблема, которую освещаю тут я – это проблема веры в перегной, о чём я и пытаюсь вести свой сказ. Тут в наше повествование и войдёт мой товарищ Порождённый, которого я знаю относительно недавно.

Порождённый существует лишь в моей голове и только я могу видеть, что он делает. Делает он не так уж и много, в большинстве своём он делится со мной мыслями о смерти и жизни. Иногда он усиленно ищет смысл, просвечивая своим

мозгом каждый сантиметр реальности. Так уж вышло, что он страдает от различных одержимостей, выжигающих его глаза. Он сравнивает это с венчиком от блендера, который был вставлен его в глазницу и включён на полную мощность.

В мире существуют болезни. С этим фактом невозможно спорить, его лишь возможно интерпретировать. Однако, сейчас речь пойдёт не о различных утехах языка. Учитывая мой психиатрический бэкграунд, напрашивается вывод о том, что он начал общаться со мной из чисто меркантильных интересов.

Если человек болеет, то он стремится получить лекарство. Но болеть можно не только физически, болеть можно ментально.

К ментальным болезням относится не только то, что входит в МКБ или DSM. Но мир ещё не готов признать многие наши страсти чем-то ненормальным. Порождённый уже давно существует в матрице маниакального бреда, а поэтому я хочу вместе с ним найти лекарство от смысла и от одержимости.

Любовные грани тухлятины

Танцуйте!

В движении жизнь, ребята. Нужно запомнить эту простую сентенцию, ведь только так вы сможете пройти дорогой добра по этой прекрасной жизни. Представьте, что вы попали в село под названием «танцуйте», оно построено на древнем шаманском кладбище, но это никак не влияет на его нравственные ориентиры, ведь поверх старого кладбища коммунальщики положили кладбище новое. Так и появился очередной струп на теле этой несовершенной земли.

И вот в ваши глаза встроили киноплёнку, не переживайте насчёт двадцать пятого кадра, это слишком банально и пошло, тут этого не будет. Внимательно смотрите за картинкой и слушайте голоса.

Хотел бы соврать, что кто-то шумел грустью на фоне, да не получится. Не было тут никому грустно. Прямо ни капельки. Ну прямо ни-ни. Музыка, свист, веселье, мурлыканье кошек. Жизнь – это праздник, поляна из цветов, мирно поедаемая коровами.

Тут везде много всякой живности, она везде: в струйках грязи, в каплях мутной воды, в тельцах Бабеша-Негри, что выявляются после аутопсии. Белой пеной на моче жизнь по-

крывает всё вокруг. Где-то в печёнке ребёнка растёт киста из-за ленточных червей, где-то бьют очередного наркомана, требуя у него денег. Если знать места, куда нужно смотреть, то жизнь всегда подкинет парочку поводов для радости.

Подкинула она его и Парфирию Семёнову, который умирал в своей собственной кровати. Он уже бредил и поэтому призывал окружающих танцевать, а им и дела до живого трупа не было, были они молодые и здоровые. Устроили рейв прямо на его могиле. Пока Порфирий подышал и жадно глотал воздух, молодёжь танцевала и отрывалась на полную катушку.

Их ноги двигались в такт ногам Катьки, которая сейчас танцевала голая в подвале у местного маньяка. Учила её мама не пить и не садиться к незнакомым в машину, но Катьке всё по боку было.

Теперь раздетая и избитая трясётся судорожно в его подвале, а он смотрит и мастурбирует.

Уже ждёт момента, когда она свалится без сил, а он её затрахает до смерти. Трясётся бедное и худое тело на холоде, даже никто не укроет его. Лужа мочи собирается под ногами, а всем безразлично. Танцуйте!

Парфирий, Жигало старый, чего разлёгся, словно ты тюфяк?

Смотри на молодых, гасят водку, лижут, трогают друг друга в разных местах, а ты мочишься под себя. Говорили тебе врачи, что не нужно бить татуху грязной иглой, а ты не

верил. Вот-воооот, трясись, ещё лучше, ещё сильнее. Танцуй ты не хуже молодняка, молодец.

Сын Парфирия заметил очередные судороги умирающего и вылил пару грамм на его глаза, а потом по лицу размазал торт со сгущёнкой. Ему хотелось, чтобы у отца хотя бы была компания из мух. Как же бактерии в животе ждут момента остановки сердца, им тоже хочется устроить дикую вечеринку. Танцуйте!

Иногда люди скорбят без причины. Сын Парфирия вспомнил про своего друга Павлушу. Павел был практически безгрешный малый, он свою жену как-то шнурком от куртки задушил.

Так сильно душил, что у неё капилляры лопнули и кости треснули. Скулы у неё после смерти так напряглись, что об них порезаться можно было. Но вы не переживайте, его оправдали по 107 статье УК РФ. Решили, что это убийство в состоянии аффекта.

Он прямо в суде начал танцевать, да и потом танцевал весьма бодро и энергично. Никому дела до этой женщины не было, она же алкашка была, так что он один её и хоронил. Взятку дал на кладбище и её без гроба в землю бросили, а закапывать лень было. Собаки её ночью и обглодали, так вышло, что кисть руки полностью съели.

«Но всем ведь похер, ок?». Так что он и работники кладбища водкой угасились и танцевали часа два над её ямой. Танцуйте!

Интересно, что в это время на кладбище потерялся дед Пётр, у которого был прогрессирующий Альцгеймер. Когнитивные функции были снижены, личность уже утерялась, как и данные о родных. А родные что? А они танцевали ещё долго, дед ведь пропал где-то, но это уже было не так страшно, ведь завещание было оставлено.

Так и ходил потерянный дед по кладбищу, пока его колотун не ударил под дых и не повалил на землю. Так и пожрал его холод. «Танцуйте-танцуйте, детки», правильно, дед бы одобрил.

Праздник жизни в самом разгаре, вот и больной с Паркинсоном упал на холодный пол и «танцует», а медсёстры где-то пьют чай. Думаю, что так он здесь дух и испустит. Он ведь никому не нужен, как и все мы. Мораль-то у всего и всегда простая – танцуйте!

Наш мозг любит двигаться, вот все и стараются хоть как-то согреться на фоне этой бесконечной мировой радиации. И трупы в морге, и мертвецы на кладбище, и женщины, что страдают от домашнего насилия, и гопники, что бьют очередного фуфела, и медики, что вальяжно везут на скорой человека, которому осталось жить несколько часов. Все двигаются, ведь в этом моторном дискурсе основная суть жизни.

Ребята вот смеются и на камеру что-то снимают. Там овчарка ест кошку на потеху зрителям стрима. Танцуйте!

Животные тоже всю двигаются и веселятся, да и ничего, что кто-то умрёт. В итоге всем будет похер, а вы хотя бы

немножко косточками потрясёте. Да, Маш?

У Маши очередной приступ эпилепсии, да ещё и вместе со схватками. Какая интересная картина: Маша трясётся, кровь, слюни, пена, хруст костей. Отошли воды, мёртвый младенец появляется на свет, и его маленькие ручки трясутся вместе с телом матери.

Как же смешно ходит в стороны его головка, видимо он успел понять смысл этой прекрасной жизни.

Вот бы услышать слова его отца, который сейчас вместе с друзьями и шлюхами празднует рождение сына в бане. Танцуйте!

Саш, ало? У тебя ребёнок умер, и жена в реанимацию попала, возможно, что уже не выкарабкается. Как же громко музыка орёт там у тебя! Саш, ты слышишь?

– «Охуеть».

Сказ о Свете

Однажды я вбил в человека около сорока гвоздей.

Сердце бьётся медленно и неровно. Где-то вдалеке по дереву стучит дятел. Начинаются путаться мысли, сознание снова теряет контроль над комнатой управления и вот уже кажется, что это дятел стучит в груди, а не слабое сердце. Последний *тук* медленно рассасывается в ночи. О чём сердце хотело сказать нам? Не думаю, что мы можем лишать его свободы слова, пусть и оно критикует современные либеральные ценности.

Как-то раз я задушил женщину рваным носком. Он очень сильно пах, и она явно страдала от давления мерзости вкупе с удушением.

Жаль, что нет возможности понять язык всех структур во вселенной, хотя каждая из них и способна на осмысленный диалог. Но ничего не поделаешь. Вот и подход очередной человек. Это никак не приблизило меня к переосмыслению смерти. Мне всё ещё кажется, что это понятие ускользает от меня.

Каждое убийство – это нисходящая спираль, ведущая меня к осознанию столь далёкого слова. Что же такое смерть? Не знаю.

В первую очередь – это шум, который можно довольно легко уловить или произвести. Во вторую очередь – это био-

логический процесс, с которым и возиться уже не нужно.

Смерть можно уподобить снежинкам: режу руку ножовкой – кусочек смерти, бью молотком по голове – ещё один кусочек, щипцами вырываю зубы – очередной пазл Танатоса. По отдельности во всём этом нет смерти – лишь хлопья кровавого снега. Если же попасть в бурю, то лицо смерти проявится наиболее явно. На четвёртом ударе ножа в живот исчезнет личность, и выскользнет смерть. Но кто же она такая?

На многие вопросы у меня нет ответа и именно поэтому я пытаюсь вырвать из людей тайну их существования. Что наделяет их жизнью и почему они так плохо используют встроенные функции языка?

Система звуков никогда не была совершенной. Зачастую мы просто не понимаем друг друга. В детстве отец мне говорил: – «я так хотел, чтобы потерянный чёрт больше не крал. Ты был моей половиной, но твой суп меня за*бал». Мать не поняла того, что же он имел в виду. Наглоталась таблеток и заставила доедать меня уже остывший суп.

Уже тогда я начал искать корреляты жизни и смерти, разрезая по кусочкам её мертвое тело. Эксперимент ни к чему не привёл, и я просто подъял её остатки, заедая всё скисшим супом.

Отец ушёл из семьи и более не появлялся на радаре бытия. Можно ли считать выпадение структурной единицы – смертью? И не является ли труп ключевым понятием нигилизма?

Из потрохов родилась вселенная. Звёзды сдохли и дали

жизнь планетам. Химические вещества корчились в агонии и дали текучую слизь. Получается, что всё стоит на трупах и таким образом наполняет ванну экзистенции новыми существами. Во всем этом меня интересует взаимодействие людей и смерти. Я завёл себе женщину и начал сильно её лупить, до синяков. Мне стало приятно наблюдать за тем, как рассыпается её организм. Но и в этом эксперименте меня смущала разница между оригиналом и его копией. Как смерть соотносится с любовью?

Если считать, что всё рождается из смерти очередного ублюдка, то любовь будет клейкой смазкой всех химических процессов.

В очередной раз нагреваю железо, и вдыхаю аромат сладкого крика. *AAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA*

– «Почему, если я говорю тебе, что ты мразь, то ты начинаешь обижаться? Это же и есть любовь – говорить вещи, идущие от сердца. Разве нет? И ты пойми, не в бабах ведь интерес, мне нравится сам процесс. Я раскрошу твоё лицо, и мы сошлёмся на эксцесс. Задай себе вопрос – кого из нас попутал бес? Тебя, тупую тварь, что верит в сказки? Или меня, психопата, что видит мир в инвертированном спектре? Ворох вопросов порождает лишь дремучий лес. Вытри слёзы и умойся.

Мир удивителен и ещё не такое нам предстоит. Так что да – добро пожаловать в страну чудес».

Я хотел бы признаться вам,

Что нас с ней разнесло по стенам,
Я хотел бы поверить вам,
Кровь так плохо идёт по венам.

—

Мои пальцы хрустят в такт,
И мне кажется, что всё невозможно,
Для тебя я лишь паразит,
Относись ко мне осторожно.

—

Ты не веришь во власть людей,
А я не верю в твои губы,
Посмотри же в мои глаза,
Там увидишь острые зубы.

—

Мы с тобой идём на войну,
Наша жизнь не похожа на солнце,
Власть людей создаёт тюрьму,
А наша страсть окисляет стронций.

—

Ошмётки кровавой любви,
И немного солёной веры,
Ты рыдаешь одна в темноте,
А я рисую твои примеры.

—

И утром в безумной возне,
Ты оставишь частичку кожи,

Мы с тобой умираем извне,
И я ненавижу тебя тоже.

Столбнячный жир

Неназванное количество людей находилось в грязной камере квадратной формы. Со стороны могло показаться, что этот квадрат указывает на четыре направления деятельности человека: смерть, разрушение, голод, болезни.

Скелетообразный человек волей и неволей хотел делиться фотографиями своих мыслей, но каждая из них рассыпалась на части, словно она была соткана из воздуха. «Сыро, блядь».

Зачем пытаться упорядочить всё со стороны, если смысл тоже рождается из потока слов, вот там и будет его искать.

Дикая мания охватила память человека, он помнил о своей роли в этом месте и скрежетал зубами от страха уродующей смерти. Ему уже казалось, что её прихвостни избивают его на глазах у окружающих, прыгают на нём, бьют по лицу, душат. Круг из силовых структур не защитил его. Никто не защитил.

Мы надавили иглой на его болезненный гнойник, и он звёздами вспыхнул на наших глазах. По рукам побежали искры, освещающие пепельные стены комнаты.

Тыпустишь меня? Мне так тяжело страдать здесь в одиночестве. Пожалуйста. У меня ничего нет, даже жизнь никому не принадлежит. В очередной раз я сокрушительно каюсь у твоих ворот. Вены, их невозможно отыскать в этой тьме.

Да я и не попадаю. Тварь, слышишь? Пусти меня, у тебя есть шанс меня спасти.

«Сука, блядь, мразь, пусти меня в свой прекрасный мир». Хатьфу, нечаянно наплевал в рот соседу по камере. Кто и за что нас обрёл на это? Родились в экзокостюме и стоим теперь круглые сутки. Заживо гнию у твоих дверей и сыплю свои слюни на замок. Меня же убьют здесь. Паскуда, уродина, пусти меня. Тут нет ничего, кроме боли и страха. Даже и представить другую жизнь не могу.

Ублюдина, что там у тебя на стороне? Может быть что-то большее. Заживо кладут в гроб и хоронят на дне непутёвого оврага.

«И никто меня не пускает, представляете?». Один выгибаюсь по дуге в этом мире и мышцы мои рвутся. Токсин существует в нашем омуте вместо воздуха, и я иду по нему, будто радуга космических лучей пронизывает каждого служащего божественного департамента. Как вы видите здесь есть только один выход, погружаться куда-то глубже. Слышал легенду, что космонавты могли спускаться на самое дне и в обратном порядке проходить сквозь ядро. Потихоньку из каждого угла будет ползти тёмная струйка воды и мы тут утонем.

Знаете, что подумал? А ведь всё одинаково, тут и там. Там и тут. Стаю бывает на обочине форзаца, а всё плывут в циклическом потоке гранул перца. Могу и неправым быть, но все равны друг другу и делают себе подобных.

Даже разница отсутствует, одни муравьи во всём, а я мо-

чусь на этот муравейник. «Если смоет и меня, то, блядь, ладно».

Хули и нет? Так же и случится, буду идти сквозь сад, а там меня и заберут маги в белых халатах. Хотел бы, чтобы зеркало стояло на могиле, каждый будет отражаться и поражать сам себя в самую печень. Не-а, ребзи, я только в вирусы верю. Такая хорошая женщина она была – Вера, животных и детей кормила. Её как-то собака укусила. «Ебать». Она оказывается заболела и агрессивовать начала. Святое ей пропи-сали и хор из детей, так она набросилась и покусала их. Первый случай трансмиссии вируса в реальной истории человечества неразумного.

«Ты заебал, пиздец». Цирк какой-то здесь базируется, да-же не поймёшь моменты ясного или тёмного сознания. Пом-нится пиво открыл, а оттуда светлая струя росы, да прямо на могилу своего рода. Уж не знаю, что там у вас, а вот про болезни всегда интересно было.

Представляю себе сборку из органов, она так ползёт по-тихоньку и поглощает некрозом каждого выбранного вами человека, его сплетают в сеть и теряют ориентацию текущего направления.

Мне казалось, что психиатрическая больница и есть маяк, к которому иду. Стремлюсь, теряется удовольствие и смысл, мне даже и мыться под этим печёночным дождём не хочется. Разрывает от злобы меня, что отражённый мир не достаётся нам, ведь мы всё глубже в этом батискафе погружаемся на

дно бесконечного множества факторов суицида.

И чего, кто тебя армейской лопаткой по голове-то бил? Какие ещё такие наказывальщики? Крови много было, он же с третьего этажа падал, да и умер уже внизу.

Здесь нет третьего этажа. «Ну давай пока?». Нет. Посчитать так хочется. Мы в детстве считали и закрывали глаза, тогда жизнь исчезла и расцветала уже по-настоящему. Сейчас же только густые волосы тьмы залезают мне в рот и палёный привкус дробит банки с моими органами. Одного из них намотало на трактор, который больше не мог перемещаться.

Откуда они берутся? Пиздец. Приходят и уходят, а мы тут? Так и торчим, сука. В чём смысл-то? Сторчимся тут с вами, да и выкинут нас отсюда. А куда?

Ничего уже там не будет. Вбросили сюда, а потом выбросили. Кто-то ведь за это держится. Непонятно, микробы или плесень? Рождаются и рождаются, множатся и множатся. Мы слизью тут всё покрыли, лишь стойкий запах пыли ощущаю.

Опять сейчас сюда этот урод вломится и с вертушки по голове зарядит. Всё хрупкое у нас, да и чужое имущество это. Ничего своего нас и не пускают никуда, суки. Сидим в камере хранения этой и ждём, когда нас в гробах будут отправлять на орбиту.

Одеялом укрыли и раз-раз, бьют молотком по голове. Ощущение, что все друзья бытия прыгают на нас своим телом, а потом ноют и говорят, что в шутку было. В какую шут-

ку? Мы же сдохли!

По струне заставили встать и тыкают теперь иголками, а он разбился, да, лобные доли усекли и пить перестал. Вот же паскуда. «А ты чего лыбишься? Ты тварь». Ребят, зацените, пою что-то.

«Слышу голос умирающей скотины;
Ей так грустно, что сдыхает навсегда;
Слышу голос параноика и психа;
Кружит голову, как грязный героин».

Мать тебе что сказала на прощание? Ты забавная личинка, живущая в грязи. Никогда тебе не стать бабочкой. Тебе так интересно копать в отходах обезьян, что ты так и издохнешь в зловонном бытие.

Иногда кажется, что мы гранулы кофе, нас сыпят и мешают. И в такие моменты на вихре из ложки ты улетаешь, а потом вниз по вене, там, где центр удовольствия. Ломается бедренная кость и жировой эмбол *БАМ* прямо в сердце.

Как тут не закончить стихом? «Среди кустов обглоданного деда, но достаю чертёжный пистолет, во мне на грамм побольше тьмы и соли, столбнячный жир таинственно мне шлёт привет».

– «Хатьфу, это и не стих вовсе. Сейчас спою, только не засыпайте».

Пепел, будешь ли моим звеном?

Званным коронером бездны.

Не хочется мне струиться вином.

В блеклом обществе подъезда.

—

Слежу за струйкой сигаретного дыма,

И хочется верить, что это не зря.

Прошу – отпусти же меня в Поднебесье.

Где бегают разные версии Я.

—

Иду автостопом по костной муке.

Ты мягко мерцаешь на кончиках пальцев.

Они робко дёргались на языке.

Рождая позицию мнимых страдальцев.

—

Они продают мне лекарство от боли.

Но разве я должен её избегать?

Рождённый в неволе и взрощенный ветром.

Мне остаётся на месте бежать.

—

Дорожка без цвета, без воли, без слёз.

Запорошит меня серым приветом.

Может я лишний плевок в море грёз.

Но не скажу «да» пистолету.

Числовой Демиург

Некоторые уравнения решаются с помощью математического оператора «смерть». Числа становятся костями, уравнения обтягивают мышцами кожу, а квантовое бессмертие не позволяет сознанию угаснуть. В конце концов, вся наша реальность – это лишь волны, что расходятся в стороны от великого числа 0.

Экспоненциально протекающий процесс жизни подкидывает нам очередную задачу. Растёт здание, работают люди. Кто-то лежит.

Полицейская лента страстно объяла место преступления. Вокруг чисел в бланке судмедэксперта стоял шум и какой-то гогот. Реальность больше походила на экзаменационный день у нерадивых студентов.

Казалось, что напряжение конденсатом проступает в подмышках людей. Температура в комнате наплевала на понятие нормы и резво скакала потным попрыгунчиком по собравшимся людям.

Обшарпанная дверь была не закрыта. Она приглашала на унылую литургию. Следователь Грыжкин кряхтя пробрался под лентой, вспоминая былые годы студенчества. Тогда он был ого-го и мог десять раз за ночь, а сейчас с трудом попадает бычком от сигареты в урну. – «Бл*ть!» – всё-таки незря Грыжкин стал следователем, в баскетболе такого ловела-

са точно не ждут.

Он уверенно зашагал на встречу труп, греющемуся в чёрном мешке. Рядом с трупом сидел статный мужчина, Грыжкин предположил, что это новый судмедэксперт. – «Так, что тут у нас? Очередная проделка математика?». Мужчина тупыми глазами смотрел на Грыжкина и не понимал, что от него хотят. На секунду Грыжкину подумалось, что это сидит провинившаяся собака, которую заставили читать вслух Толстого.

– «Премного извиняюсь, товарищ эээ... Но я не имею отношения к расследованию». Брови Грыжкина сомкнулись, как воды Красного моря. – «Тогда какого хера вы здесь делаете, м?» – вопросом его слюни разлетелись по комнате.

– «Да я это, почётный маг первой ступени, помогал Магшуку (фамилия убитого) справляться с алкоголизмом. У него мой амулет остался, вот я и пришёл его забрать, вещь-то волшебная».

Грыжкину всё это осточертело. Мало того, что серийный убийца в городе зверствует, так ещё и маги делу мешают. Господи помилуй!

– «Ясно. Свой амулет получите после, а сейчас это вещдок. Теперь же свою магическую жопу попрошу с места преступления убрать. Adiós». Маг смиренно удалился в сторону двери, даже не произнеся каких-либо заклинаний на прощание. – «Тьфу!» – сплюнул Грыжкин в стоявший рядом цветок.

С кухни наконец приплёлся судмедэксперт Тушкин, в руках у него была коробка от пиццы, он увлечённо что-то по-жирал. – «Ооо, мот и брарые тнакомые» – с трудом произнёс он, поглощая кусок пепперони, словно обезумевший Кронос, увидевший детей в Пятёрочке на скидке.

Грыжкин ждал окончания этого дешёвого представления, думая о том, что система у них никакая: на месте преступления шастают волшебники, работать никто не хочет, да ещё и эксперты еду покойников жрут.

– «Итак, вижу, что наш математик убил ещё одного» – протянул Грыжкин. – «Да, верно, очередное убийство с помощью крюка в форме интеграла. Были извлечены сердце, почки, печень. Тело посмертно исписано линейными уравнениями» – с трудом проговорил Тушкин, было видно, что лишний вес уже потихоньку высасывает его жизненные соки. Грыжкин про себя думал, что надо бы заняться спортом. В противном случае он подохнет раньше своего срока, а такие вот Тушкины будут его лапать в морге. Ему стало мерзко, когда он представил липкие отпечатки на своём мёртвом теле.

Трупы, много трупов. Размотанные кишки, слезшая кожа, треснувшие кости. Хотел бы Грыжкин не видеть всего этого перед своими глазами, но работа считала иначе.

Ему было нужно во что бы то ни стало поймать математика. Этого маньяка необходимо остановить, а иначе карьере Грыжкина придёт конец. Мы не ослышались, Грыжкина

заботила только собственная карьера, на мёртвых людей ему было наплевать. Они же мертвы, какого хера их жалеть? Люди в России новых нарожают.

Чего уж скрывать, иногда он буквально харкался не тела, освобождая желудок от едкого негатива.

Все уже оставили место преступления, забыв про невзгоды жаркого дня. В комнате остались только крошки от пиццы, Грыжкин и труп, забытый судмедэкспертом. Он подумал, что пора бы и честь знать. Нет, не труп, а Грыжкин. И тут его осенило. – «Эврика!» – заорал он на всю пустую комнату. Муравьи разбежались в разные стороны, посчитав, что это крошки кричат на них диким голосом.

Его охватил тремор, руки тряслись, с носа текло, но он решал. Решал уравнения, что оставил математик.

Не просто же так он их оставлял. Пространство вокруг Грыжкина постепенно начинало тускнеть, плавиться, растворяться. Было понятно, что он попадает в какую-то иную реальность. В мир чисел и уравнений.

Приступ математической страсти закончился. Грыжкин смотрел по сторонам, но видел лишь пространство бесконечных матриц. Числа завораживали его и говорили с ним.

Он видел гармонию чисел в нашем мире, она фундаментом держала на себе основу математической вселенной. Различные уравнения превращались в живых существ, описывали движения, отвечали за ритм. На это можно было смотреть бесконечно, но работа и тут давала о себе знать. Перед

Грыжкином возник математик.

Казалось, что он общается с помощью языка геометрии. Его было крайне сложно понимать. Дошло до того, что мозг Грыжкина закипел, словно это был Везувий. Потoki мыслительной деятельности лавой залили его нейроны и Грыжкин превратился в Помпеи.

Он стоял и смотрел на танец геометрических фигур, чувствовал их трепет, сливался с ними. Какой же он был дурак. Почему раньше он не мог заметить всё величие математики?

– «Ты был глуп, сын мой» – грозно произнёс математик. – «Твой мозг был подобен ситу.

По причине незнания он пропускал сквозь себя всю математическую красоту существования. Но теперь ты здесь. И теперь ты знаешь. Смысл бытия заключён в вечности. Смысл бытия равен бесконечности. Познать его может только математика» – его речь эхом скакала по этажам уравнений и логарифмов.

Грыжкин больше не хотел быть обычным, ему не хотелось возвращаться в серый и унылый мир. Он обрёл свой дом. Он лично узрел числового Демиурга. Будет преступлением снова вернуться на тупую работу, служа не менее тупым людям. Он упал на колени и взмолился. Его сердце бешено билось от бесконечных бесконечностей, что витали вокруг него.

– «Да будет так» – мудрым тоном произнёс математик. И дифференциалом пронзил Грыжкина насквозь.

«Не ходи за гаражи»

Мне говорила мама в детстве: «не ходи за гаражи, там грязью тает неизвестность, собакин труп едят бомжи».

Так больше не может продолжаться. Я устал от этого. От мира, от людей, от собственной беспомощности. Пока люди на улицах радуются грязному снегу и лепят спидозных снеговиков, мне приходится следить за моей старой бабкой. Грязное, вонючее, обрюзгшее тело смотрит на меня немигающими глазами. У меня начинаются какие-то цельные галлюцинации и мороз по коже.

Кажется, что я стаю у врат Рая, ошибаясь нужным этажом. И не Рай это вовсе, а последний этаж Ада, где мне уготована участь Сатаны и Иуды. Это же нужно было дойти до такой грязной и склизкой ручки. Моя жизнь отвернулась от меня, ибо я её предал. Предал все свои идеалы и стремления, предал своего царя и свой народ, теперь я всего лишь одинокий свинопас. Бабка утвердительно хрюкнула на все мои душевные стенания.

Какая же мерзость! На что я иду ради рухляди? Бабка – рухлядь, квартира – её рухлядь. Тараканы уже пробрались в каждую её щель, мне мерзко прикасаться к вещам. Беру ложку для чая, а там таракан. Да этой бы ложкой тыкнуть ей в глаз, вынуть его и сожрать. На зло всем вам, грёбаные моралфаги. Хатьфу на ваши кислые рожи.

Эта старая и треснувшая плоть похожа на древо жизни. Всё липкое, склизкое, обгаженное, обмазанное чем-то неприятным. Жизнь зародилась в каком-то дерьме, вышла из воды, а потом сперматозоидом ворвалась в матку и родила меня. Весь в жиге я кричал от осознания бренности бытия. Тупые обезьяны практиковали небезопасный секс и получили в подарок меня, а хотели плазму в кредит. И так повсюду: посмотрите на этих уродцев на улице. Чем они заняты? Мазюкаются в грязи. Такие же узники низменных интенций, как и все мы.

Холодно до костей. Старое тело похоже на этот ветхий дом. И тараканы ползут по рукам, объедают ногти, заползают в рот. Старость не дружит с лейкоцитами и иммунитет падает. Падает по горке бытия в самый низ, где гниют объедки старой подъездной кошки. Дом этот проклят, вот что скажу с чистым сердцем и грязной совестью.

В одной из квартир подох дед, да и разложился знатно. Мало того, что на кровати разложился, так ещё и физически разложился.

Всё пропахло тухлятиной, теперь мне кажется, что запах скисшего куриного супа закипает у меня во рту. Попробуйте как-нибудь прокипятить такое. Вонь будет стоять страшная. Слезы польются из глаз, может от запаха, может от бессмысленности вашего существования. А мне казалось, что я самый умный. Хе-хе.

Казалось одно, а оказалось другое. Теперь я мучаюсь в

этом чистилище. Тут контраст – еб*нуться можно. Вышел покурить в проссанный подъезд и ужаснулся от видов местной этники. Свет не горит, в подъезде стоит амбре мочи и дерьма, в углу калачиком свернулся алкаш и собака, естественно и они были обоссаны. По стенам идут ржавые трубы, от которых тепло не идёт, так как ему тошно отдаваться таким прокуреным и прожжённым людям.

И представьте – между труб торчит икона, красота... Картины дополняют голые провода, которые манят мои пальцы, словно трусы грязной шлюхи. Хатьфу.

Вот вам и труды философов, вот вам и великие трактаты о смысле жизни. Разве это жизнь? Дохнуть и гнить заживо в гадюшнике советских времён. Смотреть на сторчавшееся небо и пожинать его токсичные дары. Постоянно оборачиваться по сторонам, ожидая подвоха от пьяного быдлана, что несётся на скорости сто восемьдесят. Ох, не зря смотрел вместе с бабкой канал Спас, только жаль, что никого он не спас. Мы гладиаторы, что были брошены на борьбу с судьбой. Только вот у нас гепатит, да и трусы порваны. Шансы у нас не соизмеримы.

Страх, голод и трах – вот инстинкты, что ведут человека по жизни. За окном ползёт очередная многоножка и кричит на своих отпрысков. Вот же свиноматка, нарожала, а потом орёт. И удивляйтесь потом, что все вокруг такие же покалеченные, как и улицы нашего города. Здесь всё бытие чётко и лаконично кто-то выжег на стене подъезда – «нам пиз*ец,

ребята, молитесь за нас».

Наркотики – зло, алкоголь – зло, из окна не прыгнуть – грех, да и выжить можно. У нас как-то товарищ прыгнул, так потом додыхал свою участь в машине скорой, а они ему физ. раствора напоследок. Такой путь точно не для меня, мне нужно что-то своё, русское.

Мне хочется расшатать границы сознания и нырнуть в прорубь неизведанного. И есть в мире такое место, есть и возможность туда попасть – речь пошла про старый и дряхлый гараж. Хатьфу, всё вокруг ветхое и нестабильное, только кладбище стабильно ведёт свою экспансию. Может ему и молиться тогда?

Наплюю на советы матери и пойду за гараж, узнаю наконец, что там за ним. Какие секреты он хранит, чем он так манит людей, есть ли жизнь после гаража? Накормил бабу, надел свою дешёвую одежду и медленно пошёл в сторону гаража, что стоял на пустыре. Ничего тут не росло, никто тут не жил, пили только, да это и не новость вовсе. Главное хранить в сердце веру и смиренно идти на казнь.

Приглашение было получено, а дело оставалось за малым. Кьеркегор сказал бы, что я рыцарь веры. Сейчас готовится мой самый главный прыжок, прыжок навстречу неизведанному миру. Неопознанному смыслу. Мир всё так и тускнел, солнце пыталось перебороть грязь в армреслинге, но проигрывало. Потому что солнце слабо, а грязь сильна. В грязи зародилась жизнь, в грязи она и исчезнет. Мне часто каза-

лось, что мы лишь лужица под бёрцами Деуса, а он в довесок ещё и сплёвывает в неё. Хотя, скорее сплёвывает шлюховатая Природа, которая не смогла сглотнуть.

Я шавка, которая лает на тигра. Людишки (родители) закинули меня к нему в клетку и зыркают, как он рвёт мне горло. Делаю шаг за горизонт гаража, чувствуя себя первым человеком на тёмной стороне Луны. Воздуха не хватает, горло давит под тяжестью дна. Я пузырьёк газа в старой грушовке, что выветривается перед губами пьющего. Что за судьба меня ждёт? Что за дивный мир? Небо плавится как пластилин. Дети жгут его часто и смотрят на тающих человечков. Цвета радуги принимают кислоту и меняют вектор своих интересов. Гараж превращается в прекрасный храм, на котором красуется голова Козла.

Здесь другой воздух, другая жизнь: люди летят по небу, а птицы идут по земле. Теперь понятно, кто гадил всё это время. Дорожки из бутылок трансформируются в чудные ковры из сигарет.

Повсюду плакаты с изображением рака лёгких. На постере ярко сияет реклама – «Гипоксия бьёт под дых? – Молотов».

Удивительный мир обхватывает меня, захватывает меня, сбивает меня с ног. Вместо рвоты из меня льётся молитва счастья, дурман бьёт в голову и запускает шарманку с какой-то весёлой песней. Помню те времена, когда авторы дешёвых книг делали вид, что они интеллектуальные личности, вставляя названия гадких песенок.

Типа: «ё*ни вместе с нами, причастись нас». Я бы лучше отдался Молоху, чем стал таким вот жуком в навозе. Волосы встали дыбом, и я зашипел, будто статный кот. Что это за мир такой? Мир чудной инверсии и небывалой экстраверсии.

Хотелось всех обнимать, целовать, брать в жёны, рожать детей, брать кредит, работать на двух работах, не видеть личной жизни, рожать и рожать, рожать и рожать, а потом сдохнуть и прокормить червей. Не могу держать в себе гогот всех этих голосов, мне надо с кем-то поговорить! Излить свою душу, выблевать её. Высморгаться в чрево мира.

Но выход только один – зайти в храм и узнать ответы на все свои вопросы. А их не мало, а много. Очень. Докуриваю сигарету и тушу её об ребёнка, вот же ангелочек, такой маленький, а уже пепельницей работает. Потискал его за щёчки и случайно оторвал ему нос, ничего, до смерти заживёт! В лучшем костюме залетаю в храм, будто я азартный игрок с низким уровнем интеллекта, в заде у меня свербит, ибо я хочу проиграть все сбережения своей больной матери.

Храм не имеет концов и углов, это бесконечная равнина с бесконечным рядом зеркал. И нет здесь скамеек или священников, только эхо собственных мыслей, которые резво идут на Голгофу. Я отражаюсь во всех зеркалах и смотрю на свою нездоровую кожу, на синяки под глазами, на эту вычурную худобу. Мне хочется плакать или смеяться, убиться или разжиться, спастись или потрястись. Из одного зеркала

выходит копия меня и идёт мне же навстречу. Намерения у неё серьёзные, лучше сесть на пол и внимать.

– «Петя-Петя-Петя» – сказал я. – «Вот ты и узнал секрет квантового бессмертия».

Все версии меня из зеркал начали выходить и идти в мою сторону. Они подняли меня на руки и качали, долго-долго качали. А потом начали кусать меня, ели мою плоть вместе с одеждой. Исполняли дикие пляски и пели бредовые песни. Их ритуал должен был обновить меня, сообщить мне что-то, пронять меня. И зачем я так плохо говорил про мир? Он же не имеет границ, не даёт ответов, не предлагает тебе интимные услуги. Он просто есть.

И я просто есть. Без всяких томов философии и психологии. Без всяких наркотиков и спирта – без всего. Есть бесконечные вариации вселенных, в них творится бесконечное количество диких вещей. И так оказалось, что в одной из них действует текущая версия меня. Грустная, депрессивная, нестабильная, но бессмертная!

Квантовое бессмертие – вот суть этого места, оно показало мне, что я никогда не умру.

Ни-ког-да, слышите? Нас с вами ждёт бессмертная вечность, внимательнее читайте свои книжки и готовьтесь к главному экзамену.

Я с большим удовольствием отразился в луже из собственной блевотины, лёжа на своём задрипанном полу. Хорошо же меня накрыло – подумал я, а после закрыл глаза и сдох.

Газ медленно утекал из конфорки, скоро здесь умрут все.
Тсссссс.

Рандеву с психичкой

Пальчики Божьи

Люблю грибы. Грибы чувствуют тебя и тянутся к тебе. Такова их грибная суть. Я уже говорил вам, что грибы повсюду и они хотят убивать?

Иногда отражения в зеркалах отвечают. Иногда вода в кране начинает говорить. Мысли чужих людей становятся твоими, а собственные мысли делятся на два и начинают сообщать о твоих замыслах общественности. Это говорит о том, что мозг удивительная структура. Грибница, которая забралась в черепную коробку, а потом начала всячески тебя обманывать: насылать иллюзию Эго, рассказывать про свободу воли, формировать шквал эмоций и мыслей. Вот же изумительный паразит, который так ловко управляет людьми.

Но мной он управлять не мог. Я был не подвластен чарам и иллюзиям, потому что у меня была особенная судьба. Много молитв, мало искушений, частое призывание имени Божьего всуе. Столь искренняя религиозность о чем-то, но говорит. С самого детства меня посещали видения, а голоса ангелов звучали в моих ушах. Даже из унитаза шло какое-то зловонное эхо от самого Сатаны. Можно ли назвать

такой путь обычным? Нет. Может меня можно назвать большим? Тоже нет. Я был здоровее всех остальных, ведь пророк Божий многое должен уметь, малое должно искушать его. И был я именно такой.

Чистил зубы, делал зарядку, убивал. Ел только полезную пищу, хорошо спал, убивал. Занимался спортом, употреблял витамины, убивал. **ЕСЛИ ВЫ ЕЩЁ НЕ ПОНЯЛИ, ТО Я УБИВАЛ.** Да-да, не надо делать столь трагичную гримасу. Нет у вас никакого отвращения или жалости. Вы думаете только о себе. В то время как я думаю о всех вас.

Практически всегда нахожусь в духе. Сейчас вот выбрасываю перегной в яму на заднем дворе своего дома и тоже нахожусь в духе. Дух и я – Одно.

Мой дом находится вдали от города, но не настолько далеко, чтобы было нельзя дойти до города пешком или доехать на велосипеде.

Уютный одноэтажный дом, маленький сарай, аккуратный забор по периметру. Хорошо, что прямо напротив находился старый и обветшалый храм.

Я там молился и убивал. Убивал, конечно, мысленно, чтобы Господь исправил мои пути и направил все события мне на руку. Я ведь серийный убийца.

– «Как же так произошло, тебе только восемнадцать лет, а ты уже серийный убийца? Да ты маньяк чокнутый, иначе и не скажешь!». Так вы, наверное, думаете. Но я не маньяк, я Пророк. Снова нахожусь в духе на заднем дворе и вижу

то, как в яме с перегноем копошатся черви. Они говорят со мной, а я их понимаю. Мне дано много, больше того, что дано вам. Знаю я и о том, что Бог умер. Да-да, Он давно уже мёртв, так как плоть Его постарела, и Он вспорол своё брюхо острой бритвой.

Многое родилось из Его потрохов. Можно сказать, что все мы – кишки божьи. А я буду сердцем его. Стучу себя в грудь: тук-тук, тук-тук, хороший пульс, именно такой и должен быть у убийцы. Не просто так ведь я избрал такой путь. Всё предрешено, нет ни свободы воли, ни свободы выбора. Меня избрали и вот я здесь, сижу и ем червей вместе с землей. Впитываю в себе осколки Бога.

Однажды у меня будет ровно десять жертв, но это только «однажды», а сейчас я иду в старый и почти забытый храм. Там служит очень весёлый настоятель, который постоянно общается со своим вторым Я, его он причащает и исповедует.

Мне от него требуется мало, только благословение. Самая же главная задача – это подойти к старому Распятию. На нём висит убитый Бог, который вспорол себе брюхо и породил всех нас. Всё бы ничего, да только экспозиция нарушена: не хватает у Творца десяти пальцев. Руки Его выглядят так, словно кто-то неистово жрал священные пальцы. Коршуны после смерти напали на мёртвое тело, а неверующие и неверные начали вкушать Его плоть. Им хотелось понять в чём же секрет Всевышнего. А нет у Него секретов.

Есть только старенькое Распятие, которое нужно мне восстановить. Не зря же я ел червей и слышал голоса.

Они мне послали особую миссию: зайти в храм, посмотреть на распятие, посчитать до десяти, ну а потом... Смекаете? Я должен вернуть ПАЛЬЧИКИ БОЖЬИ.

Две тысячи лет до отчего дома

Необходимо очень быстро бежать. Бежать настолько быстро, что свист ветра покажется трамплином, разгоняющим адреналин в крови. Бежать и ещё раз бежать. Двигаться, уворачиваться, подпрыгивать, смеяться.

Точка бифуркации выбита татуировкой на коре головного мозга. Будет понятно сразу, что я её нашел. Это место обещало быть ярким и свежим, сладким и хрустящим. Мои шаги обгонят боль, а злопыхатели больше не смогут плевать мне в руки и заставлять этим умываться.

Может и не было во мне никакой славы. Не был я особенным человеком, никто от меня этого и не ждал. Именно поэтому мне удалось так легко сбежать. Они думали, что навесят на меня ярлык больного, закроют в белом и просторном здании, накормят кашей, а я всё забуду.

Нет, память моя не подводила меня, ибо я был крупницей антиматерии. В месте X я встречу с крупницей материи и произойдёт взрыв эндоморфинов.

Это назовут бредом, рационализацией, сверхценной идеей. Назовут и ошибутся. Потому что я видел Единого и знаю, что он существует. Именно Его любовь и давала мне силы бежать.

Я бежал по степной местности, вокруг была сухая и выжженная земля. Птицы летели задом наперёд, а стервятники

даже не хотел смотреть на меня. Был противен им мой вид, словно я – это кусок гнилого мяса. Впереди уже виднелся лес, в котором и находился пункт моего назначения.

Мозг работал в особенном ритме, чувствовалась пульсация и циркуляция крови. Причудливые создания окружали меня и благословляли мой путь. Вот кит, скрещенный со свиньей, он желает мне удачи. Вот лягушка с лапами собаки, она шлёт мне воздушный поцелуй. Капли дождя высасываются из земли и улетают обратно на небеса. Ангелы, что утратили свои слёзы, требуют их обратно.

Я находился за *две тысячи лет до отчего дома*. Погружение в пучину чудес затягивало меня всё глубже на дно. За чертой леса начнутся настоящие чудеса и дивные отголоски прошлого будут проявляться всё сильнее и ярче.

Столп из использованных больничных шприцев и ярких таблеток, что не вошли в мой рацион, шёл предо мной и показывал мне путь.

С неба начали падать хлопья снега, которыми я смог утолить свою жажду. Единый ждал меня; потихоньку его голос начинал звучать в моей черепной коробке.

Было тепло и весело. Ветки деревьев хлестали меня по лицу, трава щекотала мои голые икры, а клещи осторожно кусали мои руки и ступни. У клещей был только один подарок для меня, звался он – органическое поражение головного мозга. Здорово, не правда ли?

Так вышло, что частица святости была во всём. Не стоило

искать нечто необычное где-то в центре земли или в центре космоса. Космос един и имя ему Единый. Каждая вещь – это ступок множества измерений, которые принадлежат Творцу.

Слёзы – это кровь Его, перегной – это плоть Его, крики умалишённых – это голос Его. Однако, стоит сказать, что сам я здоровый. Окружающие не видят особых вещей, так как они сами решили огородить себя от этого. Сокрыли целый кусок реальности и назвали это нормой. Норма – это вера в то, что космическая пыль будет съедена пророком и из этого союза родится здоровье. *Тысяча лет до отчего дома.* Осталось немного.

Нужно порадовать вас хорошей историей. Я очень люблю рисовать, лежит такой вот грех на душе моей. И рисовал я каждый день рисунок разный: розу, что состояла из глаз и улыбок людских. Матери не было, но улыбка её была. Отец был серийным убийцей, но в розе он был ещё младенцем. Моя роза была способна изменить всё плохое и вернуть всё хорошее.

Вот посреди лесной чащи и небольшой пруд, в котором можно креститься. Некие санитары из больницы У не давали мне провести обряд крещения. Нарушалось священное право на возможность произвести погружение.

В этом пруде не плавали рыбы, но плавали мёртвые лягушки, что до этого приносили в пруд плоть людей.

Глупенькие, не знали, что мясо наше ядовито для окружа-

ющего мира. Свет глаз Единого выжигает сознание, а плоть человек выжигает возможность жить и процветать.

Картина была такова: я стоял в центре пруда, воды мне было по пояс, дно было мягкое, а окружающая тина грела и целовала моё изученное тело. Руки я развёл в стороны. Закрыл глаза и открыл рот, из него потекла чёрная жижа. Жижа с привкусом угля символизировала болезнь. Они не пытались меня вылечить, наоборот, в их задачу входило сделать меня идиотом. Таким же слизнем, как и те, что живут в местном террариуме.

Ползать и пресмыкаться – значит забыть о том, что есть другие измерения. Их собрало ничто – так они говорят.

Меня же собрала гравитация и Единый. Предки мои формировались в грязевых источниках и использовали отходы Творца на благо своего естества. *Пятьсот лет до отчего дома.*

Устал. Если будешь веровать, то никогда не устанешь. Цель была простая: пройти через лес, найти место, где встречается вселенная и смерть, а потом действовать по наитию духа.

Лес, что так приятно пах, кончался. Спасибо тебе земля, что была такой мягкой. Тело моё не болит, а душа моя ликует. На укрытой полянке находится деревянный домик. Сразу понятно, что именно его я и искал. Место, где можно провести обряд погружения.

Выглядит он неказисто и блекло, но это ни о чём не гово-

рит. Может это и выглядит так, словно это один этаж покосившейся постройки, но ощущается это совсем иначе. Самая настоящая лестница в вечность. Вот увидите.

Внутри нет ничего. Груда мусора, банок и бутылок. Посередине стоит табуретка, а над ней натянута верёвка с петлёй.
Сто лет до отчего дома.

Поднимаюсь на табуретку и потуже затягиваю петлю. Скоро я смогу бегать по лугам и долам, смеяться над своим образом мыслей и считать от одного и до девяноста девяти. Осталось только погрузиться.

Шаг и я уже там, *в отчем доме*. Ощущается эффект асфиксии. Послание выпадает из моих рук. Постепенно я сливаюсь с окружающим миром, становлюсь частью временного континуума, веду диалог с Единым.

– «Не зря ты пришёл ко мне, сын мой. Тут есть все ответы. Скоро ты узнаешь из чего сделано то яйцо, которое породило Вселенную.

Ты раньше всех понял, что твоя душа – это флешка, которую можно включить или выключить. От этого и зависит процесс актуализации твоего сознания».

Отчий дом начинает проявляться с последним вздохом.

—

Собака дней моих суровых;
Чернявый пёс, что жрал меня;
Я зрел в сомненья самый корень;
И православно желал зла;

Мои способности сокрыты;
Эмоций нет, я падший смерд;
Вкушаю сладкий привкус божий;
И ожидаю крика бед;
Распотрошенный и облезший;
Хрипя трахеей, ты взывал;
И говорил про ангелочков;
Что обрамляли славы зал;
И верю я в великий Свет;
Так принимай же мой совет;
И поскорее отдай душу;
Тому, кто ел кровавый след.

Вскрытие было завершено. Патологоанатом вздохнул и сказал вслух: «Бедный ублюдок, у него была аномалия в мозге. А он, наверное, думал, что общается с ангелами или бесами. Тьфу!».

Загадочная икона

– «Икота-икота, перейди на Федота. Икона-икона, не уходи к Федоту. Ведь ты такая загадочная».

Пора сходить на базар. Но идти нужно по порядку. Была среда и шёл я по старому району, что впитал в себя запах смерти всякой твари.

Мусор гнил на улице, в воде, в головах людей. Казалось, что нечистоты и есть тот товар, что так страстно желают купить люди. Но я не был похож на них.

Продавцы вопили: – «Солёная рыба!» – «Сладкий персик!» – «Свежая-гнилая голова свиньи!».

Какофония разных звуков и стонов. Здесь живут, мучаются, умирают. В промежутках пытаются торговать. Торговля телом не есть торговля душой. Не порицайте тех, кто болеет. Тело их находится во власти разврата, а душа принадлежит Богу.

Шагаю по потрескавшейся дороге из старого асфальта. Его сразу положили таким старым, чтобы угодить пожилому поколению. Трещины похожи на морщины. Люк на дороге открыт и ведёт в самые недра. Все там будем. Бледно-жёлтое солнце освещает пути мои, а толстые мухи жужжат и садятся на моё чело. Кто-то переродился и стал мной, а кто-то переродился и теперь торгует грязным куриным мясом.

Всех бы убил, да верю в Бога. Бог завещал убивать только

ближнего: сынов, дочерей, старушку мать.

– «Бог-бог-бог, велик мир твой!». Вот потасовка молодых людей, вот пьяница, что разлагается прямо на дороге.

Все делают вид, что так и должно быть. Все безмолвно декларируют тезис, который гласит, что вселенная создана для нас.

8. Демонстрирует это и грязный пёс, довольно скалящий свою пасть в мутной луже. – «Лужа эта создана для меня. Смотри на мои лапки и хвост, им так удобно и прохладно».

9. Делаю вид, что мог не заметить церковную лавку. Фонари на ней горят даже днём. Пока солнце работает на всю мощность, дабы сжечь каждого вампира, старая церковная лавка освещает путь заблудшим душам.

10. Людей нет, но товар есть. Всего один товар женского пола. Она ждёт меня. *Загадочная икона*. Она источает миро и свет. Миро я слизал, а свет будет выжигать глаза демонов. Надо с ними пообщаться: – «Ангелы, сколько вас там? Много?» – «Много, имя нам Легион».

11. Выхожу на плохо отреставрированную лестницу и поднимаю икону вверх. Тьма вокруг сгущается.

Я остался один, вокруг море психически больных рыб, а икона светит высоко вверх. Это маяк, что сообщает Богу о том, куда плыть не нужно. Пусть всё идёт своим чередом: страдания, смерти, разрушения. *Загадочная икона*.

12. Эффект отравления благодатью. Миро и псилоцибин работают схожим образом. Лики начинают мерцать, мои

мысли теперь принадлежат вселенной, демоны принимают меня за своего. *Загадочная икона.*

13. Решительно зашагал домой. Там меня ждала Смерть. Моя старушка мать сообщила мне об этом по телефону. Жаль, что телефона у меня уже давно не было. Так бы я не стал отвечать Смерти.

14. Одна улица сменялась на другую. Небо было серого цвета, но слёзы свои успешно сдерживало. Боялось процессии, что разворачивалась на моём пути.

15. На горке из жёлтых листьев лежала мёртвая кошка. В ней уже копошились трупные черви. Запаха не было, скорби тоже.

Четыре маленькие девочки стояли на корточках перед кошкой и дёргали волосы из её субтильного тельца.

16. – «Любит, не любит, любит, не любит», только это и мог я слышать от сих прелестных созданий. Однако, нельзя забывать и о том, что я несу загадочную икону. Они расступаются предо мной и отвешивают поклон.

17. Я прикладываю икону к их маленьким лбам. – «Помолюсь я за вас, девоньки. Помолюсь богу о скорейшей вашей смерти».

Тела тленные сменятся на нетленные. Будете пировать с Творцом и вкушать яства райские. *Загадочная икона.*

18. Серые многоэтажки вырастают на моём пути. Хотелось бы узнать ответ на безмолвный вопрос: – «Сколько в них подохло муравьёв? Или муравьи – это те же тараканы,

только с человеческим лицом?».

18. Икона отвечала мне – «Не мучай себя столь примитивными вопросами. Попробуй посчитать сколько осталось твоей матери старушке». *Загадочная икона.*

20. Я поднимался на двенадцатый этаж и считал. Понимал, что осталось ей совсем недолго. Поверну ключ в замке, открою дверь, сниму обувь, убью её. Пришло время её, пора возвращать душу тому, кто её любит и ждёт.

Мать всё понимает: расстелила ковёр в зале, сняла с головы платок, встала на колени. Тихо прочитали молитву. «Аминь». Икона была сделана из дерева и серебра. Увесистый и складный артефакт божий. Печать автора не стояла. *Загадочная икона.*

21. – «Пора». Серия ударов разбила голову старушки матери. От головы почти ничто не осталось.

22. Кровь и серое вещество валялись повсюду, стекали с потолка, впитывались в ковёр. Углы иконы теперь покрыты кровью. На месте головы, где теперь сформирована масса из костей, хрящей, нервной ткани, вижу лик Богородицы. Не зря старался.

Я ведь часто таскал на двенадцатый этаж сумки для матери. Теперь буду таскать саму мать, но по частям. Благо есть и лобзик с мусорными мешками. *Загадочная икона.*

23. Дверь открывает полицейский и подходит прямо ко мне. Он тощ, усат, высок.

– «Разрешите представиться, начальник следственного

комитета, Дьявол. К вашим услугам-с. Вижу, что вы человека убили. Ну-с, придётся с вами пообщаться. Документики имеются?».

24. Я показываю икону, с которой до сих пор сползают мозги.

Солнце уже зашло за горизонт, луна не справляется с задачей освещения, но в комнате всё ещё светло. Горит лампада в том месте, где должен быть красный угол. Дьявол внимательно смотрит на икону.

Говорит – «Это совершенно меняет ход дела, уважаемый». Начинает крутить свой ус, отрывает его и начинает жевать. – «Мои полномочия тут всё, сударь».

Достаёт свой табельный пистолет и плавным движением указательного пальца вышибает себе мозги. БАМ. Будет еда на днях. *Загадочная икона.*

25. Крови натекло много. Меня разбирает сильная икота. Возможно, что сам Бог вспоминает обо мне.

Беру кисть для малярных работ и крашу кровью угол. Тот, где раньше не было красного угла. Теперь будет. Ставлю туда икону, встаю на колени и начинаю молиться:

26. – «Икота-икота, перейди на Федота. Икона-икона, не уходи к Федоту. Ведь ты такая загадочная».

Пора сходить на базар...

Сверхтяжесть

1. Стробоскоп искажал реальность, плавил стены, шатал небеса. Порождал какие-то искажения реальности. И куда делся тот Атлант, что должен удерживать небесный свод?

2. Хватит. Убрал стробоскоп в дальний ящик. Ящик был белый, рукоятка была чёрная. Не очень глубокий ящик, зато находится далеко от моего спинного мозга. Если достать из него все провода, то можно заменить кровеносную систему и стать успешным андроидом. Жениться и родить веру.

3. Сожительница смотрела куда-то в потолок, где виднелись звёзды. Посмотрела потом на меня и сказала – «Ваня, я так больше не могу. Мне грустно!».

4. А мне не было грустно. Мы встали с матраса и пошли пить кофе. Чашка кофе напоминала мне Маракотову бездну. Вихри и завихрения, глубина погружения в неё зависит от температуры организма. Сейчас она где-то 36.5.

5. Мешаю кофе не ложкой, но ножом. Режу кубики сахара и топлю маленьких ублюдков в соседней речке. Я сейчас про котят, а не про сахар. Сахар я слизываю с ножа и вскрикиваю – «Гой еси!». Здоровья вам. Сидим на кухне, где есть специальная коробка, которая выполняет роль подставки для чашек. Солнечный свет умело огибает окно и освещает другие квартиры.

Там живут извращенцы. Звонящая тишина и полное от-

сутствие печали. Сожительница делает солидный глоток, смотрит пронизательно в мои глаза и говорит – «Ваня, я так больше не могу. Мне грустно!».

6. Мне не очень-то и грустно. Настроение похоже на удавку, которой я душил старую вахтёршу. Натянутая леска, которая впивается в кожу и оставляет борозды. В эти ямки можно сажать зерно. Хотя поздно, уже двенадцать часов. Хочется раствориться в потолке, стать побелкой. Или хочется, чтобы меня натянули. Натяжной человек вместо натяжного потолка. Тело моё лежит на матрасе, а сердце начинает биться в трубах, кровь пульсирует по электрическим проводам.

Сожительница включает свет, сейчас девять часов вечера, а она не прекращает есть время. Слышу её сопение и смотрю на её вздымающуюся грудь. – «Ваня, я так больше не могу. Мне грустно!».

7. Лежу в гробу и пробуую землю на вкус. Сплю. Плохо закапывали, часть ворсинок от старого ковра щекочет мне ноги. Слава богу, что никто не вздумал целовать тело покойника. Это так, словно тебя просят поцеловать старые трусы.

8. Они висят на батарее в ванной. Чищу зубы и смотрю в кусок зеркала, что лежит в моей руке. Сейчас двенадцать часов ночи. Нужно идти спать. Снова. А так хочется поговорить о вечном. С точки зрения вечности имеет смысл лишь старый носок, которым я душил собаку с восьмого этажа.

Этот носок явно что-то знает, но говорить об этом не будет. Вот бы извлечь из него интеграл небесного знания. У ме-

ня нет родственников, только коллекция старых журналов по живописи. Один и тот же выпуск на протяжении двенадцати лет. Одеядло начинает трястись, горы и равнины делятся на правых и неправых. Древнее зло воскресает и прорастает из земли. Это сожигательница, я вижу её в отражении острого куска зеркала. – «Ваня, я так больше не могу. Мне грустно!».

9. Один быстрый удар осколком по её глотке. Ручейки крови начинают высвобождать энергию. На моих глазах красная пелена. За окном начинает светать.

10. Где-то кричит петух.

Первые апостолы новой веры

1. Хорошо на кладбище! Тишина и гладь, всё вокруг спокойно, нигде не наблюдается фальшивых улыбок. Обувь не бегаёт по асфальту. Одежда не прикидывается живой. Пыль танцует и резвится, я её не буду мешать.

2. Вокруг много могил. Да я и сам копаю. Медленно, но верно извлекаю отверстие из земли. Нужно освободить то, что вместит в себя оболочку. Доедаю сосиску и смотрю на голубое небо. Сосиску я сделал сам, а вот небо не является моим. Смотрю на зияющую дыру в своей груди. Первые ростки чего-то нового. Удобрю это большой порцией слюны.

На месте отсутствующей совести будет прорасти новая вера. Она будет о лучших проявлениях души человека.

3. Сколько я уже убил человек? Может три, может больше. Нужно считать по пальцам.

4. Хочу сказать, что смерть знает своё дело. Её суще-

ствование можно доказать эмпирически; есть и возможность проверить теорию бытия смерти самому. Смерть существует каждое мгновение. Она смотрит вам в глаза и втягивает носом секунды вашей жизни. Вот умерла моль в вашем шкафу, вот умер любимый попугай. Он кричал что-то про радугу и возвещал скорый приход коллекторов. Коллекторы слуги смерти, они забирают ваше тело, а она забирает ваше электричество.

5. Есть теория, что смерть построила свою ГЭС, только электричество вырабатывается не с помощью воды, а с помощью крови.

6. Она тоже смотрит разные передачи, ей приятно наблюдать на то, как обыватель тратит свою жизнь на бессмысленные вещи: интересуется весом воздуха, дышит гарью, умывается этиловым спиртом.

7. Мне всегда хочется кричать и плакать. Так много мне дано! Я знаю Бога, а Бог знает смерть. Именно Он и создал её, сделал её Своей ипостасью. Хотя многие не заметили этого. Почему люди игнорируют смерть и разложение?

8. На этих столпах Бог попросил меня построить новую веру. Веру в то, что действительно способно очистить человека и подарить ему новую сущность. Неумолимые коршуны смерти однажды выключают ваши глаза.

Вы будете нерешительно стоять где-то в стороне, а в вашем теле будет вечеринка микробов.

9. Думаю об этих прекрасных вещах и прогрессирую пря-

мо на глазах. Как удивительно то, что человек так много о себе думает, восхищается собой, а потом умирает от инфаркта. – «Эй, хозяин собственной жизни, ты меня слышишь?» Странно, вся его уверенность растворилась. Мрачно побуждал проверять свой суп на плите.

10. Много всего происходит за эти мгновения. Отверстие в земле готово, оттуда доносятся крики грешников. Затыкаю пробоину телом и слышу – «Я не успел сказать моей машине, как сильно я её люблю...».

11. Пожимаю плечами и продолжаю копать. Нужно поскорее укрыть мёртвое тело одеялом из земли. Гомеостаз тела отключён, больше ничего уже не будет греть эту тленную тушку. Теперь моя забота.

12. И почему люди такие неблагодарные? Стоило порадоваться тому, что ты мёртв. Хотя он и при жизни не особо радовался. Этот бедняк (его слова) подошёл ко мне и начал жаловаться на жизнь, на бедность, на Господа.

13. Его не смущало, что я занимался физическим трудом. Даже не подумал о моём свидании с кладбищем и лопатой. Одна бусинка из его жалоб насаживалась на другую, но примерить такое ожерелье захочет только душевнобольной. А я не такой.

14. «Дар у меня есть пророческий» – говорю я ему. – «Хочешь расскажу тебе о жизни новой и научу по-новому смотреть на вещи? Протяну колючую проволоку из твоего сердца. Раскрошу коленные чашечки. Заставлю есть собствен-

ные уши. Хочешь?».

15. В тот момент он как-то засмутился и решил меня покинуть. Его наконец засмутил тот факт, что я здесь копаю не просто так. Может к нему пришло осознание всей фатальности нашей встречи. – «Ладно, раз не хочешь, то не буду задерживать». Скалюсь улыбкой в ответ. Он разворачивается, и я со всей силы бью его по голове. Раздаётся хруст.

16. Пока изо рта идёт кровавая пена, а из горла доносится свист, кладу его тело в могилу. Быстро и легко.

Вот теперь можно и оказать первую медицинскую помощь. Достая свой нож и начинаю методично делать отверстия в теле.

17. Органы мне не нужны, плоть тоже, я лишь хочу облегчить его муки. В стеклянных глазах больше нет жизни. Значит пришло время отрезать указательный палец и укрыть его пластом земли. Кладбище – прекрасное место, он здесь уснул и больше уже никогда не проснётся.

18. Этому и учили меня родители – состраданию. Нельзя просто так убить человека и бросить его на обочине жизни.

Родственникам не нужно переживать за тело, ведь оно в тепле и покое. Будущим поколениям можно не переживать за экологию, ведь однажды его тело сгниёт и сольётся с природой.

19. Я заканчиваю копать и начинает идти дождь. Сигнал о том, что нужные ростки уже посажены. Осталось только найти своих последователей и возвещать миру о том, что скоро

у Бога будет новое тело. И то, что было мёртвым, теперь станет живым.

20. Кладбищенские собаки стали моими апостолами, через вирус бешенства они будут распространять нашу веру в мир.

Прекурсор Божий

В этот злопамятный день дождь пребывал в плохом настроении. Он нарочно целился в школьниц и затекал им в подмышки. Гром барабанил по головам детям, ненависть к ним была сильная и непредсказуема. В такие дни обычное рождаются человеческие зверёныши.

История эта уже родила человека, который родился и сразу постарел. С его старых ляжек стекали капли солёного пота.

Из-за всего этого Мышкин не мог найти себе места. Кажется, что мир не готов принять его. Судьба постоянно хватала его за уши, а затем обильно харкалось прямо в его слабо очерченный рот.

Так вышло, что сегодня у него должен был родиться ребёнок. Он уже знал пол ребёнка и его вес. Радости не было предела, ведь сегодня рождался мертворождённый убудок.

Воплощается очередная душа, которая будет обречена на страдания и неверную смерть. Мышкину не мог стоять смиренно, ему казалось, что он наступил ногой в сансару и сильно испачкал об неё свою обувь. Теперь эта метафизическая гадость будет преследовать его снова и снова.

Его тошнило философскими пропозициями. «В этом мире мы постоянно падаем куда-то вниз. Порой нам кажется, что падение синонимично парению, но жизнь всё расставля-

ет по местам. В итоге мы разбиваемся об антихрупкий асфальт» – мудро декларировал Мышкин.

С печалью он смотрел на то, как полиция смывает с асфальта кровь очередного самоубийцы. Грузный следователь внимательно посмотрел на Мышкина и многозначительно ткнул пальцем в небо. Здание корчилось от фантомных болей, из-за этого дикий крик стоял по всей округе.

Сквозь тучные облака на Мышкина упал гвоздь яркого света. Жизнь вокруг него бурлила нечистотами и просила бесконтрольно нырнуть во всё это добро с головой.

Ему было скучно, и он захотел поговорить. В руках Мышкина оказалось увеличительное стекло. Сладким голосом оно заговорило с Головачёвым: – «хороший мой, если ты не из рода Романовых, то говорить нам не о чем».

«Все белые блямбы, которые были раскиданы по палате, были мной убраны» – заливалось смехом увеличительное стекло.

Казалось, что оно страдает диссоциативным расстройством идентичности. Из-за расстройства стекла мир воспринимался грязно и замылено.

Со временем плоть квартиры становилась явной, наглядно можно было увидеть лоскуты сальной кожи, а также стёжки от хирургического вмешательства. Если приподнять маску линолеума, то взору откроется слой свежего человеческого мяса.

Под пристальным взглядом стекла мясо блестит и перели-

вается. Сквозь ряд вен можно разглядеть мерный стук сердца, которое качает кровь в мозг посредством станции метро.

Спустя мир Головачёв смотрел сквозь стекло на свою руку, его стигмы кровоточили и выделяли липкую жёлтую слизь. Он аккуратно собрал её пальцем и вытер массу об свой язык.

Пробитые гвоздями руки открывали чёрный ход для посттравматического роста. Если тебя уже однажды распинали, то во второй раз процесс не будет восприниматься столь серьёзно. Крики и ломающиеся кости будут звучать как услада для ушей.

Благодаря психическому стеклу можно было попасть в мир фракталов. Фракталы резали щёки и подбородок, жадно отрывали кожу от лица. Ранки покрывались сукровицей, которую слизывала полумёртвая кошка. Вместо зубов у неё были детские головы.

Бесконечно можно смотреть на то, как тараканы мирно поедают слои дермы мёртвой школьницы. Некий студент сильно ударил её топором по голове и долго кричал про дрожащих тварей.

Совершилось такое страшное свинство, что в приступах безграничной злости Головачёв разрывал гремучих змей на несколько частей.

Если быть откровенными, то Мышкин терпеть не мог змей. Он всегда завидовал тому, что Бог их проклял, а Мышкина благословил.

Куски дохлых он обжаривал и скармливал детям с аутизмом. Ему казалось, что раз изображение змея является символом здоровья, то поедание человека с ОКР дарует деткам жизнь вечную.

«Гражданин ОКР на смертную казнь прибыл!» – прокричала сутулая фигура человека. В глазах его читался ужас от того, что он не записал номера всех автобусов по дороге.

Кошкин приготовился его убивать, и хотел он это сделать голыми руками. Однако, руки были не его, а Головачёва. Собаки пытались защитить бедного дистрофика от верной смерти, но грязной заточкой Мышкин выколол бродяжкам глаза, а вместо них вставил две неспелые помидоры.

Им овладела ярость, Мышкин наносил стремительные удары заточкой по мёртвому телу Анны. Был вспорот живот, раскрыты рёбра, съедены почки. Он ел их сырыми и без всякого гарнира, казалось, что вкуснее этой пищи ничего нет и уже не будет. По телефону с ним тут же связался Господь.

«Твой ублюдок родился. Пора тебе сдержать своё слово и взять миссию по очищению мира на себя. Вокруг томится лишь падаль людская, так что бери судьбу за рога и отправляйся к Моему распятию» – промолвил Господь прямо в желудок Мышкина. Слова Господни разжигали в нём похоть и прижигали его язвы. Он становился единым целым с Пророком.

Теперь в этом мире сияла новая звезда, красная и яркая. Свет её возвещал о скором конце бренного мира. Устал наш

Творец от бесстыдств наших, каждого Он готов распять на вавилонской башне. Первый Адам погиб, но пальцы Божьи ещё не потеряны.

Из тюбика священного содержания на его руки начала стекать протоплазма. Грязный человеческий гной, перемешанный с кожным салом и с глазной склерой.

Пророк надавил себе этой жидкости в ладони и смешал её со своей обильной слюной. Он умывался и причащался одновременно.

С неистовством он наносил многочисленные удары ножом маленькому мальчику, который осмелился попросить у него прикурить.

Мышкин своими острыми зубами оторвал его губы, лицо оскалилось гримасой весёлого Роджера.

Плоть и прожилки отходили с трудом, но нельзя было оставлять идентификационные маячки у убитого ребёнка. Нужно было обглодать его череп, снять с него скаल्प. Забраться в его кишки и попробовать на вкус гнилой аромат аппендикса.

Сила Господня спустится на каждого достойного, она разъест глаза и окрасит слюни бледным цветом. Глаза будут гнить, а душа будет славить червивых серафимов, каждый из которых своим острыми зубами целится прямо в хрящи.

И было дано автору сей книги видение. О том, что грядёт нечто страшное и замысловатое. Кому-то суждено умереть, а кому-то суждено воскреснуть. Божьи эманации смешива-

ются с мозговыми волнами и рожают новый завет. Трубный голос возвещает о приходе ужасного чудища в мир. В эти времена будет посеяно множество ростков страха.

Каждый, кто читает эти строки будет проклят. Тело его лопнет, а душа будет стонать на полу от боли. Более не осталось здоровых, теперь все вокруг больны. Но болезнь эта побеждает глупость и вскрывает дряхлые жилы серой повседневности. Аминь.

Детство Единственного

Его раскрепостили и озлобили. Но так вышло, что Ничто никогда не злился. Ровно до того момента, как часы судного дня ударили по самолюбию двух полицейских. Они достали сирены из желудка служебной кошки и начали седативную погоню.

Как же так произошло: стражи закона стали стражами церковного канона? Ничто всего этого не понимал, он просто убегал от них в никуда.

В этом большом, но таком маленьком городке, всегда шёл дождь из шприцов. Причём использованных. Люди умело проклинали местного шамана, но он и не собирался отступать. Так и спускал все деньги с благотворительности на помощь бедным. А бедные может и не хотели всех этих денег. Им только одно нужно – просфора и рюмочка кагора.

Никуда приближалось медленно, поэтому Ничто уже начинало терять всю агрессию.

Весь этот фарс напитывал его кровь самообладанием, а ноги его блестели так, словно кто-то пустил самый дорогой фейерверк в канун нового года.

«И чего от меня они все хотят?» – философствовало Ничто. Они же сами меня вырастили и раскрепостили. Вот теперь живу и здравствую, а им всё мало. Хотят меня какой-то азбуке учить, да в цирк водить каждый час. Непонятно всё

это: ни мир, ни Бог, ни этот пышный забор из транквилизаторов.

«Уважаемый, постойте!» – похоже, что полицейские и не собирались приставать. Им только дай Бог волю отступить, вмиг фуражку по локоть откусят. «Я вам не сдамся» – кричит им Ничто в ответ, "у меня особая миссия, приглашён сегодня на обед". Вот же дураки! И на кой чёрт им сдался этот бедный Ничто? Да и зачем вся эта погоня в никуда?

Жизни им мало, размазанной вяло по асфальту. Это ведь МЧС до сих пор не удосужились убрать труп самоубийцы. Тьфу!

У Ничто и правда была особая миссия, Оно бежало на ужин к каннибалу. Про этого изверга ходили в народе страшные байки.

«Так и так, убивает на кладбище старух, а потом ест их внуков. Такие дела».

Истории эти все были враками, каннибал действительно любил поесть мясо, но убивал не бабок, а кладбищенских голубей. Да и причём тут вообще внуки? Они все поголовно пионеры, Маркс у них от пупка отскакивает.

«Вот же сволочи» – думал про себя Ничто. Так и было. Они ведь его раскрепостили, ему теперь и жизнь была не в радость. Да вы посмотрите вокруг: ковры на асфальте, скорпионы вместо продавцов, дети играют отрубленной головой в мяч.

Поколение нынче испортилось. Мы в своё время активно

убивали людей на войне, как своих, так и чужих. Время такое было. Да и не осуждал нас никто, на войне и убийство не убийство вовсе. Помню мы к одной семье пришли, а они всё понимали. Мы их расстреляли, всё украли, да и сожгли их домишко. Долг и честь психопатической родины защищали. А ей бы хоть хны: ни стыда, ни совести. Пропила всё.

Ничто наконец прибежало в никуда, но было уже никогда. Казалось, что время утратило свою скакалку и больше не прыгало по лужайкам. Каннибал показал ряд вставных зубов и кошачий язык. В глазах его читался делирий. «Поесть пришёл?» – спросил он Ничто и осмотрелся по углам своей квартиры, понюхал каждую клеточку уборщицы на площадке.

Осмотрелся по сторонам и выглянул с чердака в окно, солнце и тучи играли в карты на раздевание. Кажется, что тучи активно проигрывали. «Ну заходи, время позднее» – жестом он пригласил Ничто войти. «Есть сейчас с тобой будем» – улыбнулся он во весь свой беззубый рот.

Ничто решил повспоминать всякие страшные вещи: про некрофилию кукол, каннибализм овощей, про странный привкус гуталина на родинках. Ему очень уж хотелось попробовать еду каннибала, которая уже всю стояла по стойке на столе.

«Честь имею!» – декларировала еда. Кажется, что это будет самая тёмная трапеза. Помолились и начали есть. Ничто удивился – «а что за мясо?»

«Мясо? Да говядина это» – спокойно произнёс каннибал
и укусил Ничто за нос. Где-то пролилась кровь.

Отрочество Единственного

«Ой, есть ощущение, что у Вас нефть убежала» – произнесла неясная фигура куда-то в пустоту кладбищенской плеяды звёзд. А она и вправду убежала. Нефть сбежала и бежала, бежала и таки сбежала. Одним словом – убежала. В смиренной рубашке она путешествовала по космическому дому листьев.

Ей хотелось узнать тайну своего происхождения. Она заметила, что существа вокруг плывут по течению канализации и даже не хотят узнать первопричину всего сущего. Может канализационный Бог всё это сделал? Или может попросту электрик Головачёв опять забыл вкрутить лампочку, а солнце так и не смогло оправиться от этой потери?

Мы все бежим и даже не знаем почему. Все бегут куда-то, я, вы, нефть. Так устроена эта сущность. Однажды реальность вспорола себе брюхо и засунула туда большую кукурузу с базара.

Бытует мнение, что так и зародилась наша писчая цивилизация. А нефть не бытует, она лишь существует, смущаясь от всей этой возни на макроуровне. Ей стыдно за каждого пустого обывателя этого пира.

Никто из нас не готов дать бой судьбе. Судьба знает наши слабые места, она всегда бьёт прямо в «душу».

Нефть от этого устала, а потому и сбежала. Вот бы посмот-

реть правде в глаза. Так хотелось бы понять её, обнюхать, принять как родную дочь.

Правда существовала в своей матрице, ей не было дела до остальных.

Мы бы назвали её сукой, но будем держаться в рамках приличия. В этих самых рамках на нефть напала стая гопников, что попыталась её обокрасть. Нефть заползла им в рот и разорвала каждого из них на куски. Их ошмётки ещё долго салютовали Марсу и Меркурию. По гороскопу у нефти сегодня особенный день, в такие дни обычно узнают дату своей смерти.

Будем честны, никому из нас не особо интересна жизнь, а чего уж там говорить про смерть. Все присосались к кулеру с блеклыми итерациями и пьют симулякры литрами. Нет никакой реальности, сколько ты её не ищи. Правда в том, что вам и нефти это по барабану. Приспичило ей узнать свой уровень интеллекта и всё тут. Мозг выполняет задачу, словно он послушная собачка Скиннера, которой принесли голубя Павлова.

Бессмыслица это всё... Реальность слишком долго лежала на солнце и заработала очередной рак. Будто всем слишком хорошо живётся в этом мире, надо сделать его ещё хуже. Нефть плевалась по сторонам, чтобы её завет не сглазили. Вы же ещё помните правду? Эта сволочь обладает хорошими глазами.

Нефть в каждом предмете видела загадку. Труп животного-

го – загадка, горящий медведь в машине – загадка, научный креационизм – загадка. До чего же всё вокруг удивительно и загадочно! Она смотрела по сторонам и вдыхала аромат танцующей биомассы бактерий.

Мир был похож на большой помидор, красный и неспелый комариный рой. Тучи неслись так, словно они были под «скоростями». Солнце сгорело в своём же огне и поливало мир ядерным пеплом.

Бог ел йогурт со вкусом ежевики и думал над очередным постом в инстаграм. Нефть Его отвлекла.

– «Нефть, две просьбы – заткни хлебало и поищи где-нибудь майонез!» – громко закричал Господь. Ух, не стоило отвлекать столь важную Персону. Однако, нефть не расстроилась.

Она поняла, что свой генезис нужно искать не в книгах про Гарри Поттера, а в самом мире, которого никогда и не было. Майонез – это жаргонизм, он означает закольцованную поездку в самый центр дискурсивной сметаны.

Где-то там найдутся все ответы, ну а пока вечерний выпуск новостей. «Дамы и господа, сегодня днём был убит Камызяк. Городок переоценил свои силы и вступил в схватку с захватчиками из бурого космоса. Жертв нет, спасибо за внимание» – новости были завершены на положительной октаве.

Она наконец нашла того, кто был ей нужен. Фигура очень сильно походила на мудреца, все атрибуты были при ней: длинные ногти, ресницы, батон хлеба. «Откуда я родом?» –

робко спросила нефть. «Давным-давно метеорит упал на землю, климат поменялся, среда тоже поменялась. Исчез Китай, а с ним и весь мир. Так и погибло человечество, что и привело к твоему появлению – ты их тень» – с чёткой дикцией и английским акцентом отвечал диплодок.

Зрелость Единственного

Бегу и на ходу ругаюсь матом. Лечу и тону в облаках из сажи и стекла. Они преследуют меня, ведь произошло оперантное научение. Меня удалили в серый предмет. Размазали мылом по тарелке и стёрли всё это ёршиком, даже доедать не стали.

Мне выносима невыносимая лёгкость бытия. Но не сейчас и никогда. Нужно скрыться, научиться мимикрировать и стать серым предметом. То, что не убьёт серый предмет, сделает меня сильнее.

Ищу разные способы справиться с серым наваждением. Утром иду на станцию крови делать себе переливание. Чёрт, кровь не голубая, а серая. Одним ударом вырубая порождение серого цвета и бритвой кромсаю его серые розы. На небесах хохочет Бог, Он хочет устроить третью мировую войну с пришельцами.

В обед отправляюсь на тренинг – «как победить серые предметы». Надеюсь на надежду, вдруг она мне поможет. Тренер Надежда не снимает с себя серую одежду, кажется, что у неё есть какой-то злой умысел. Она достаёт его из пакета, и он расцветает у неё на глазах.

Вокруг серые люди, начинаю танцевать и сражаться с Надеждой. Из-за нашего горячего и пылкого боя она теперь без одежды. Это не помогает мне, ведь она пытается удалить ме-

ня в свой серый предмет тоже. В итоге окажется, что серость умножится на серость и образует инвертированную серость.

Она будет кипеть в моих венах и переписывать «Левиафана». Серое чудовище, что живёт в глазах вечернего дворника. Нужно его остановить.

Своей серой метлой он намечает ещё больше серости в наш мир. У меня баллончики с краской, начинаю обильно брызгать всеми цветами радуги на окружающий мир. Дворник начинает задыхаться и открывает свой истинный облик. Это серое существо с серыми щупальцами и серой душой. Мне необходимо его дезинтегрировать. Но получится ли?

В моих руках разгорается яркое пламя, способное победить серый мир. Хороший знак, удаление ещё не прошло окончательно. Шансы есть.

Мы начинаем сражаться и серость теперь трещит по швам. В эту белую ночь нужно сделать так, чтобы время окрасилось разными оттенками синего и красного, что в итоге остановит серый апокалипсис. Совершиться этому мешают православные бесы.

Целая стая кукол серого цвета окружает меня. У них крылья из стекла, в глазах копошатся серые жуки, изо рта льётся серая жижа.

Они обхватывают меня своими щупальцами и начинают сосать красную кровь. Нет, так не пойдёт. Начинаю кричать что-то про разные оттенки жёлтого.

Их пластиковые цвета начинают таять и плавиться, словно

это зелёный воск. Воск Победоносца, одолевшего дракона. Он подхватывает меня и на своём копье несёт в новый мир. Мир, где не будет серого предательства.

Спустя пять минут он предаёт меня и лопаётся на все стороны света. Остаюсь один в совершенной мгле. Со мной начинает говорить туман – «ты долго бегал от нас, но и твой час пробил».

Меня начинают связывать серые санитары, им так сильно хочется меня заковать в банановую кожуру, жаль, что и она серого цвета.

Мы очень долго едем сквозь тоннель серого Эго. Вокруг тянется одна и та же роза, нарисованная серым фломастером. Мне становится грустно от того, что удаление почти завершено. Это означает победу серой массы, что зовётся Реальность. Произошло удаление в серый предмет.

Я стою на обрыве совершенно без чувств, у меня нет никаких интенций. Парадоксально, но мир вокруг не серый. Удаление в серый предмет уже свершилось, теперь он живёт в моём животе и шепчет сердцу голосовые команды. А что сердце? Оно слушает, ибо для него реальность подобна серому дельфину или серой сове, особо ему и жить-то не хочется.

Я обнимаю серый предмет и какое-то время мы плачем. Жёлтые тучи открывают мир чёрного солнца и из белого ключа цвета изумруда начинает идти жидкокристаллический дождь политкорректного спектра. Слезы серого веще-

ства затекают ко мне в нос, и мы падаем с обрыва. Идёт удаление в новый серый предмет. Цикл повторяется вновь.

Психоанализ гражданина с ОКР

Кошкина люто били следователи. Они били его по лицу, по сердцу, били в самый центр черепной коробки, где ничего не было. Эти сволочи искали здоровье. Здоровье давно уже исчезло с лица земли. Кто-то его вколол в кровь. Шприц для инъекций веры был грязный, он разнёс ВИЧ по всей солнечной системе.

Они знали, что Кошкин станет нижней частью туловища для проекта «груз 200». – «Сучий сын, рассказывай обо всём по порядку. Что знаешь о Боге, что видел на девятом круге ада, что употреблял в пищу твой дед дезертир?

Нам известно, что эта сука сбежала и отдалась нацистам. У них было копьё Лонгина и с его помощью они насильовали заключённых под стражу девочек. Говори нам всё, что знаешь. Любая информация сейчас важна» – кричали они в его оторванные уши. Из зияющих ран шла кровь и зелёный перегной.

Мир рушился на глазах. Рак проник в каждую клеточку детского тела. Пионеры больше не могли сдерживать наступление товарища Масодова.

Четыре чёрных сына смерти разверзли пасти свои и начали пожирать сентенции тех, кто мнил себя интеллектуалами. Их орудие – здравый смысл, а секира их лежит при университете имени Канта. Им не дано было чувствовать боль, они

только грызут и рвут души сынов человеческих.

Видел Кошкин, как заперли силу небесную и облевали обильно её сыны преисподней. Разные жилы начали рваться на руках, хрящи поглощались младенцами, а многие были готовы пострадать за своё грёбаное мнение.

«Жалкие марионетки, пьющие кровь девственниц и алкоголь девственников. Они все живут на этой планете зря, как хорошо, что однажды они подохнут!!!» – кричал Кошкин в приступе голодного бреда.

Вокруг стекала сплошная биомасса, которая и сейчас гниёт, и смердит запахом тленным.

«Всё будет разорвано на куски и тот, кто призвал имя чужой мамы спасётся» – орал Кошкин так, словно в него вселился злой лифтёр.

В грязных и извращённых видениях Кошкина горело пламя чистилища: на вратах было написано про девочку с гнилыми струпьями на руках, она кричала и вопила о том, что гниёт заживо и изнутри. Из глаз её текли чёрные слёзы, рот её источал ужасные запахи. Прямо на наших глазах из нутра её начали сыпаться кишки, никто и ничего не мог поделать.

Голодные пенсионеры начали жрать её больное сердце. С каждым укусом они становились сильнее. Кошкин их всех презирал.

Мир вокруг преисполнился шизоидных форм и шизотипических странностей. Трава восстала из-под гнёта людского и превратилась в собак, которые жрали каждого неверно-

го психиатра.

Время пошло вспять, а дома начали разрушаться, и пыль от построек забивалась колючими тромбами в вены. Тела разрывались, повсюду были внутренности людские и дерьмо голубей. Всё это подростки размазывали по стенам, а ветераны не могли найти себе места и пальцами лезли в самые сокровенные места верующих людей.

Даже гвозди уже не подчинялись человеку, они были повсюду и хотели причинить нам всем страшную боль. Всё менялось, больше уже никто не хотел совокупляться с пропитанными свиным салом людьми.

Майор полиции Кошкин бежал сквозь разрушения и снег из блевотины, пытаясь найти место, где подохла его семья. Он хотел слизать с пола запах их мёртвых тел.

На его глазах из окна выпала старушка и тело её размножило об асфальт. Мозги с хлопом вырвались из головы и побежали по улице с прискоком.

Хитрый парень решил повторить её подвиг, но упал на фонарный столб. Его тело корчилось и содрогалось от боли. Парадоксально, но он был ещё жив. Кошкин завершил серию его страданий выстрелом из табельного прямо в лоб. Костная мука и слизь забрызгали лицо Кошкина, а он слизал всё это в приступе очередной экзальтации... Нужно сказать Богу о его любви к злу.

«Если я пойду и долиною кровавой пены, не убоюсь солнца, потому что Ты со мной; Твоя ярость и Твой нож – они

потрошат червей твоих».

Перед ним возник абсолютно голый бомж, который был словно помойное ведро. В него долго тошнило женщину, да так, что у неё случился выкидыш. Мёртвого ребёнка, конечно, сожрали. От него не оставили даже самой маленькой венки.

Старый юродивый оказался весь пропитан гнилью и больничной вонью. Кошкин начал слизывать с его ран гной, а затем присосался к его волдырям на ногах. Засохшая кровь, свежая моча и белые комочки православного гноя таяли в его рту. Это было новое время. Время обретения каких-то сладких откровений.

Кошкин был должен найти здоровье, ведь где-то же оно потерялось. Здоровье могло находиться в морге, куда он и направился. По пути из табельного он расстреливал детей, их тела бились в агонии, а Кошкин прыгал через них и ловил языком капельки пота Бога.

Фонари светили чёрным светом, осознание того, что люди вокруг всё выдумали, освобождало Кошкина от любой уголовной ответственности.

Наш герой шёл и душил кошек, отрывал мышам голову, мёртвую тушку вороны засунул старику прямо в рот. Рвота и воронье тело разорвали его изнутри. Дом окрасился кровью и выделениями желудка.

По тесту Роршаха оказалось, что у Кошкина параноидальный бред. Рукой старика Кошкин отгонял наваждения от

своей головы.

Он так разозлился, что голыми руками разорвал крокодила и сделал себе из него униформу. Его зубы он повесил на шею и начали танцевать какой-то танец. Казалось, что сейчас пойдёт снег, но в итоге пошёл червивый дождь. Солнце опять обмочилось мигренью и Кошкину стало плохо.

Своими берцами он раздавил мразь, которая тоже гналась за здоровьем. Это был ребёнок трёх лет, он снова и снова бил его по голове. Пока кровавая субстанция не размягчилась до такой степени, что он смог проглотить её одним махом.

Из морга вышел лечащий врач Кошкина и протянул ему жухлую розу. —«Мы всё придумали, Кошкин. Нет никакого здоровья и никогда не было. А что до тебя, то у тебя острая форма шизофрении. Так что катись-ка отсюда колбаской» — с учёным видом произнёс врач.

И он покатился.

Комплекс Электры

Меня зовут Дарья и я женщина. Да-да, вы не ослышались, хватит пытаться прочистить свои ушные перепонки. Все ваши стереотипы уже давно устарели: мы тягаем лифты, разрываем альфонсов голыми руками, насилуем насильников. И, конечно, ходим на войну.

Сейчас я уже глава специального военного подразделения в том мире, где победил феминизм, но без вести пропали все психические походы.

Однажды началась страшная война, я и остальная женская часть человечества не устояли в стороне, мы не могли красить заборы и мирно попивать миндалевое молоко. Люди вступили в неравный бой с врагом, а мы больше, чем люди.

Так вышло, что уже год приходилось мириться с первой мировой психической войной. И несмотря на все свои страшные ранения я иду в бой снова и снова.

За доблесть и отвагу, что я проявила на поле боя, мне позволили вести операцию под названием «психический фрустратор». От этого всего у меня складывается необычное впечатление, воздух буквально пропитывается запахом абсанса.

Наш штаб – удивительное место, по большей части он похож на ад фармацевта. Неужели вы думали, что психические войны ведутся какими-то иными способами? Прямо сейчас заряжаются тизерциновые ракеты, скоро отряд врага накро-

ет очередной волной антипсихотической доблести.

Почему мир вокруг стал таким шизотипическим? Солнце в приступе паранойи слабо освещает пустые кладбищенские могилы, облака заболели анорексией и похудели на сотню килограммов, ветер страдает приступами бреда, ему часто кажется, что его преследуют.

Однажды мы сражались в окопах интенсивной терапии, нас окружил отряд персеверации. «Как вас зовут?» – кричу я людям в белых рубашках. «Иван Иванович» – отвечают они. «Сколько вам лет?» – повторно кричу я им в носовые отверстия. «Иван Иванович» – снова отвечают они.

Их предводитель – это юноша лет семнадцати, которому чудится, что они Иисус Христос. «Нет, не хочу умирать» – кричит он или Он.

«Не распинайте меня, изверги» его тело сияет так, словно это диско-шар, запущенный в морг. «Похоже на то, что сейчас тут начнётся полный расколбас» – уверенно заявляю я. Метким выстрелом из седативной винтовки отправляю юношу в глубокий сон. Надеюсь, что там его распнут безболезненно.

Боже-боже-боже, сопротивляюсь наваждению изо всех сил. Враги узнали про нас, это было не что иное, как партизанский ПТСР.

Серией флешбеков они хотели одурманить меня и скормить онейроидному синдрому. По нашему штабу поползли волны галлюцинаторной деятельности, вдалеке слышны ис-

терические вскрики. «Что же, теперь здесь все силы врага» – вздыхаю я вслух.

«Подъём девоньки, начать операцию психический фрустратор» – гордо командую я. Но вся гордость разбивается на тысячи осколков, ведь на наш этаж пробрался особый агент ОКР. Все мои девчата начали в ужасе кричать разные фразы невпопад: «я утюг не выключила», «дверь не закрыла», «а потушила ли я бычок от сигареты?!». Уничтожаю его метким выстрелом из фенибутного маузера. «Так тебе и надо, сукин сын» – бросаю таблетку сульпирида на его труп. Он горит синим пламенем.

За моей спиной начинает кто-то смеяться. Узнаю этот смех, нас пожаловала главнокомандующая врага – госпожа булимия. «Здравствуй, Дарья. Ты решила избежать РПП, но реальность такова, что РПП не решило избегать тебя». Кладу под язык таблетку феназепама, начинаю активно её рассасывать. Оборачиваюсь к булимии и говорю – «на этот раз у меня есть туз в рукаве, сучка». Из-под моего пальто достаю телескопическую дубинку когнитивно-поведенческой терапии. Мы агрессивно смотрим друг на друга уже долгое время. Это экспозиционная борьба.

Мне тяжело, но я всегда знала – у этого пути не будет конца. Нужно быть готовой к тому, что прежней я уже отсюда не вернусь. Зерно сомнения в своей разумности было посеяно, а это означает только одно: «... я буду своей спасительницей, моя сила станет моим щитом и моя воля... будет моим

клинком. Я проснусь... непоколебимой... ибо моя борьба...
будет длиться вечно».

«Старый друг»

Я возвращаюсь домой после трудного рабочего дня. В машине раздаётся умеренный звук магнитолы. Не знаю почему, но играет «реквием по мечте».

Либо ЖЭК экономит, либо случилось нечто из ряда вон выходящее – думаю я про себя. Дорога еле-еле виднеется в тусклом свете фонарей, скрыть её очертания помогает идвигающийся туман.

Стараюсь остановить мыслекрутку с помощью музыки, мне приходится увеличить громкость на пару делений. Вот, так лучше – подбадриваю я себя. Правда мне начинает казаться, что «реквием» играет слишком уж долго. Неужели в вечернем репертуаре не найдётся чего-то лёгкого и позитивного? Начинаю щёлкать кнопку «вперёд», пытаюсь отыскать радиостанцию, что будет гармонировать с моим настроем.

На всех каналах играет «реквием по мечте», кажется, что в мире не существует чего-то другого. Щёлк, щёлк, щёлк. Результата нет. Вопрос – это сломалась магнитола или что-то в моей голове? В недоумении выключаю надоедливый и теперь уже ненужный прибор. Искра моего замешательства порождает ощутимый звук удара. *БАМ*. Чёрт! В меня что-то врезалось – в ужасе думаю я. Чёрт-чёрт, я кого-то сбил!

С гримасой ужаса на лице жму на тормоз и плавно съезжаю на обочину дороги.

Нужно собраться и провести анализ ситуации. Сердце бьётся очень быстро. Тук-тук-тук-тук. Пульс сейчас держится на отметке 120 ВРМ, не меньше. Начинаю дышать по системе четырёх секунд. Вдох на четыре, задержка дыхания на четыре, выдох на четыре.

Повторяю несколько раз пока выхожу из автомобиля. На машине осталась небольшая вмятина. Кратерная ямка, которую обрамляют струйки крови и куски слезшей краски.

Боже... До меня медленно доходит тот факт, что я мог кого-то сбить насмерть. Я что, стал убийцей?! – от волнения начинаю грызть ногти на правой руке. Медленно иду туда, откуда раздаются стоны. Надеюсь, что это не человек. Господи, если ты есть, то сделай так, чтобы это был всего лишь олень – это единственное, что вырывается хрипом из моего скрученного желудка.

Подхожу к тому месту, куда отлетело сбитое мной существо. Оно стонет и хрипит. Похоже, что это звуки агонии. Ко мне приходит осознание всей полноты картины: я сбил большую собаку. Пёс корчится в муках и тихо скулит: его лапы неестественно вывихнуты, брюхо покраснело и вздулось, из пасти медленно стекают ручейки крови и слюны. Я держусь руками за свои волосы, мысли мои несутся по скоростным магистралям моего сознания, но водители в этих болидах пьяны.

Я совершенно не знаю того, что мне теперь делать. Меня начинает жрать совесть, желудок скручивает от боли, из

глаз льются слёзы. Прости, прости, прости меня – только и вырывается из меня. Как же мне тебе помочь? Что я могу для тебя сделать? Господи, за что мне это? Так, нужно попробовать помочь псу, возможно, что что-то для него можно сделать. На миг время будто замирает. Со стороны леса доносится посторонний шум, кто-то ко мне приближается. Кто это может быть? Почему он идёт в полной темноте? Источника света нигде не видно. «Эй, там кто-нибудь есть?» – отправляю я своё послание в темноту. «Мне нужна помощь, я случайно сбил животное».

Нет никаких ответов, только звук хрустящей листвы. Ко мне определённо кто-то приближается. Или что-то. Ужас и страх сковывает меня. Я превращаюсь в ледяную статую, которая не может шевелить своими задубевшими частями тела.

Из леса выходит длинная и худая фигура в плаще. Фигура одета во всё чёрное: чёрные берцы, чёрный плащ, чёрный камуфляж на теле. На лице белая маска, выполненная в виде черепа, глаза незнакомца горят зелёным цветом – возможно это прибор ночного видения.

– «Ну что тут можно сказать?». Фигура достаёт пистолет с глушителем и одним выстрелом добивает корчащегося в муках пса. – «Вот мы и встретились». Следующий выстрел принимает в свои объятия моя голову. Адская боль разливается по телу, и я теряю сознание. Темнота окутывает меня...

Просыпаюсь с адской головной болью, в голове копошится

лишь моль, что пожрала все мои воспоминания.

Я даже не осознаю того, где я теперь нахожусь. Какое-то посещение, где чувствуется холод и привкус гнили. Постепенно глаза привыкают в темноте, мне открываются очертания небольшого и тёмного помещения. В углу лежит матрас и рваное одеяло, рядом с ними стоит ведро. Боже, куда меня занесло...

Дверь за моей спиной открывается и в комнату плавно выплывает фигура в чёрном, словно это летучий голландец, что пришёл собрать жатву. Воспоминания об аварии устраивают землетрясение в моей голове, тело содрогается от страха и чувства неопределённости.

– «Ещё ничего не произошло, а ты уже трясёшься, как ба-
рашек» – декларирует фигура в плаще. «Я здесь не для того, чтобы подтирать тебе нюни и менять памперсы».

Фигура тяжело вздыхает и продолжает свою речь. «Слушай внимательно и запоминай, у тебя есть два пути развития ситуации: путь первый – ты принимаешь решение сдохнуть и сообщаем об этом мне, я помогаю с технической стороной процесса; путь второй – ты принимаешь решение цепляться за жизнь и живёшь в этом грязном подвале. В итоге ты всё равно сдохнешь, но обнаженный и униженный. Докажешь мне и себе, что ты животное, которое до самого конца верило в силу разума, но цеплялось за самый низменный из инстинктов, за инстинкт выживания».

– «У тебя несколько часов на размышления. Ты же не ду-

маешь, что ты единственный, кому мне приходится вправлять мозги?» – усмехается фигура. Манерным жестом мой похититель закрывает за собой дверь. Дрожь не покидает мои владения, я теперь с ней одно целое.

Меня накрывает апатия. Как же так?!

Спокойно жил себе, никого не трогал, а теперь вот стал жертвой чокнутого маньяка, что возомнил себя смертью. Ложусь в позу эмбриона на матрас и начинаю обдумывать ультиматум фигуры. Время тянется медленно, оно ощущается так, словно это зыбучий песок, что затягивает меня в пучины безумия. У меня нет выбора, обо варианта фатальны для меня. «Выбора у тебя никогда и не было» – раздаётся гулкий крик из-за двери. Я вздрагиваю.

Как мне спастись, как продлить свою жизнь? Жизнь – это бесценный дар, а тут у меня силятся его отнять. «Кто тебе сказал, что это бесценный дар?» – доносится очередной вскрик из-за двери. Мурашки пробегают по моему телу.

Меня накрывают флешбеки: рождение, садик, школа, работа. Я осознаю то, как мало во всём этом было меня. Можно сказать, что вся моя сознательность способна уместиться на кончике иглы. Практически никогда я и не жил – думаю я, а теперь вот цепляюсь за эту иллюзию жизни.

Всё время мне говорили о важности страданий и помыкали мной: учись в своё неудовольствие, делай то, что не нравится, работая на ненавистной работе. Страдай и ещё раз страдай, тебе было не дано выбрать жизнь, не будет дано вы-

брать и смерть. Суицид, эвтаназия – на этом общество поставило табу. Мучайся, страдай, умирай в агонии. Стань стариком, что потеряет искру разума и будет медленно гнить на больничной койке. И выт выходит, что мой похититель предлагает разорвать этот порочный круг и исцелиться посредством осознанной смерти. Кажется я понял в чём его замысле.

Фигура снова заходит в тёмное помещение и уставляет свои ярко-зелёные глаза на меня. Мне кажется, что под оскалом смерти можно разглядеть улыбку. – «Ну что, ты готов? Предпочитаешь умереть мужественно или будешь подыхать так, как тот пёс на обочине? Только у тебя уже не будет возможности попросить закончить твои страдания. Думаю, что картина тебе ясна, выбор за тобой».

Я встаю перед фигурой на колени и говорю ей – «стреляй, я готов». В груди у меня всё сжимается, но я стремлюсь не терять своего достоинства. Время тянется медленно, я слышу звук собственного сердца. А потом фигура разрывается хохотом. – «Удивил, ничего не скажешь».

Маска смерти всё сотрясается от смеха, а руки открывают дверь и жестом указывают на выход. – «Ты свободен. Можешь идти, твоя машина припаркована недалеко от дома. Только знай, что мы с тобой ещё встретимся. Помни про свои мысли, помни про свои слова, помни, что ты решил умереть осознанно». Я медленно плетусь к машине, тело моё горит, но в голове кристальная ясность. Теперь я свободен.

В возрасте шестидесяти двух лет у меня находят рак. Я понимаю, что мне остаётся недолго жить. Шансов на излечение или ремиссию у меня нет, но это не заставляет меня грустить.

Я был готов к такому исходу событий. Сегодня я устраю для себя пир, а на десерт будет мой любимый фильм – «Меланхолия». Такого вечера у меня давно не было. Дома чисто, в мыслях тоже. Все мои дела завершены, завещание написано. Ложусь на кровать в своём лучшем костюме. Слева от себя кладу конверт с посланием для своей семьи – они всё поймут. Запиваю цианистый калий стаканом дорого коньяка и поудобнее устраиваюсь на кровати.

В тёмном углу комнаты всё это время кто-то сидел, кажется я даже знаю кто. «Привет» – говорю я в темноту. Два зелёных глаза загораются во тьме, фигура в чёрном снова решила составить мне компанию. «Как приятно видеть старых друзей. Тогда я тебе не представилась, но ты и сам всё понял. Верно?». Я медленно киваю головой в ответ – «спасибо тебе, ты многое мне открыла тем вечером».

Фигура идёт мне на встречу и протягивает свою руку – «Как хорошо, что ты смог выбрать осознанную жизнь, но ещё лучше, что ты смог выбрать и осознанную Смерть. Нам пора».

Я засыпаю.

Послесловие

Человек отскочил от машины и мягко приземлился в близлежащий кювет. Из-за аварии движение машин и людей вокруг встало, все начали бежать к сбитому человеку, который ощущал на своих губах солёный привкус гравитации.

Однако, просим вас переместить свой фокус внимания на то, что действительно важно подметить и описать. На камушек, небольшого размера и серого цвета. Сейчас он выглядел немного потрёпанным. Струйки красной жидкости оросили его бугорки, затекли в небольшие ямки. Он тоже отскочил от машины, ему тоже досталось, но его стойкости и мужеству можно позавидовать. С его стороны раздаётся безмолвие, полное отсутствие какого-либо стога или постороннего шума.

Мы должны сказать, что этот камень настоящий стоик. Труды Эпиктета и Зенона были заучены им наизусть. Вы только посмотрите: камень живёт в согласии с природой, не привязывается к вещам или местам, не пытается контролировать то, что от него не зависит. Вы можете это сказать и про себя?

Как удивительно, наш герой мал и неказист, ему немного досталось в наследство. Но он умудряется радоваться каждому дню. Лежит себе в стороне и напитывается силой земли, теплом солнца. Он не считает себя одиноким, ведь вокруг

происходит столько всего! Скорая увозит человека с места происшествия, водитель сокрушённо качает головой, отряд муравьёв браво обходит камень стороной, где-то кричит ворона.

Этот камень не может прекратить нас восхищать. Он существует в мире, где есть большие валуны и целые горы, но при этом он не стремится быть похожим на них. Ему не нужно жаловаться на то, что он лёгкий и подвижный объект. Природа наделила его серым цветом и малым размером, а он активно использует это при взаимодействии с Миром. Греется на солнце, разговаривает с ветром, умывается дождём – ему этого хватает, ибо во всём он ищет повод для радости. Каждый день для него – это поле возможностей. Вы можете это сказать и про себя?

Камень достаточно решительно отражает удары судьбы. Однажды его забрали из семьи и закинули в чьё-то окно.

Его обвиняли и били, пытались внушить ему чувство ложной вины. – «Глупый камень, хватило же у тебя ума залезть ко мне в окна. Зачем ты вообще родился на свет?!». Его не смущало это, ведь он старался не судить других людей, а смотреть на то, что их сформировало. В то время как он жил в согласии с природой, кто-то старался обходить её стороной.

Он был свидетелем того, как человек не смог принять свою судьбу, много выпил, а затем споткнулся об него. Побег от реальности закончился смертью этого человека; камень

всё понимал и беззвучно прочитал за него молитву.

Камень был уникален, несмотря на то, что в мире есть ещё множество других камней. Ему хватало лишь одной этой мысли, чтобы начать получать радость от жизни. Рулетка судьбы сформировала именно его. И он был благодарен шансу пожить, не осуждая других людей, не пытаясь притворяться кем-то другим, не делая то, что не в его силах. Он просто жил этим моментом, не жалея о прошлом и аккуратно прогнозируя будущее. Вы можете это сказать и про себя?

Камень умён уже потому, что смог принять этот мир. Он принял своё предназначение и изучал каждое мгновение жизни. К нему приходило осознание того, что однажды его не станет. Это делало его существование ещё более насыщенным.

Чего не скажешь про того человека, который вечно куда-то спешил. Он выглядел довольно рассеянной персоной, которая откладывала жизнь на потом.

Словно перед нами бежала безумная белка, что стремится копить орехи на зиму, которая никогда не наступит. Камень не был таким, он был частью этой системы и его осознанность позволила нам заметить его и посвятить ему этот текст. Можно сказать, что его образ жизни был удостоен почёта. Хотя это и был всего лишь союз простоты и осознанности, тем, что зовётся Дзэном.

Камень может быть и исчезнет однажды, растворяясь во вселенском единстве, но про него было сказано много. Это-

го, к сожалению, нельзя сказать про человека, что скончался в скорой помощи. От него останется лишь пара строк на надгробии.

Простой камень оставил гораздо больше смысла в этом мире, чем голая обезьяна, возомнившая себя хозяином положения. Вы можете это сказать и про себя?